

Трое из леса

Юрий НИКИТИН

Трое и боги

«ЭКСМО»

1994

Никитин Ю. А.

Трое и боги / Ю. А. Никитин — «Эксмо», 1994 — (Трое из леса)

Силы троих друзей из дремучего гиперборейского Леса растут не по дням, а по часам. Теперь уже сами боги взволнованы возросшей мощью Мрака, Олега и Таргитая, которые сумели уничтожить державу киммеров и на равных бороться с могучими магами. Троим неврам, до сей поры непобедимым, предстоит выполнить завет бога богов и сразиться с повелителями темных сил. От исхода этой битвы зависит существование всего мира...

© Никитин Ю. А., 1994

© Эксмо, 1994

Содержание

Часть I	5
Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	26
Глава 5	31
Глава 6	38
Глава 7	45
Глава 8	52
Глава 9	58
Глава 10	66
Глава 11	74
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Юрий Никитин

Трое и боги

Часть I

Глава 1

Ничто не смело пролетать над островом Даны, но когда в то утро солнце на миг застлала уродливая тень, богиня не повела и бровью. Воздух, всегда чистый, как вымытый, внезапно всколыхнулся и пошел густыми волнами. Ближе к воде золотой песок взвился, заблестал и осел желтыми искорками на зеленую траву.

На островок падал, все еще суматошно хлопая крыльями, крупный Змей. Кожистые крылья, похожие на старые грязные паруса, едва не лопались от напора ветра. Пахло потом, тиной и запахом большой речной рыбы.

Крылатый зверь рухнул так, словно тянул до островка из последних сил. Земля дрогнула, но Змей еще и побежал, часто-часто перебирая короткими лапами. Даже крылья выставил как два гигантских щита, чтобы не пронесло через крохотный клочок земли прямо в реку.

Остановился у самой кромки, дышал натужно, с хрипами. Крылья распластались, примяв траву, а когда потащил их на спину, острые шипы процарапали в траве глубокие борозды.

От загривка и до хвоста тянулся через спину встопорщенный гребень. Там, среди белесых игл, похожих на свежескошенные колья, виднеются трое звероватых людей в волчьих шкурах.

Дана, что доселе возлежала среди вечнозеленой травы, приподнялась на локте. Странное волнение, непривычное и тревожное, уже зарождалось в груди. Третий раз ее остров посещают эти смертные, и третий раз за всю долгую жизнь – смертным не вообразить, насколько долгую! – ей странно и тревожно.

Передний соскочил легко, как огромный хищный кот. Из-за плеча выглядывает колчан с оперенными стрелами, в обеих руках хищно блистает широким лезвием великанская секира. Лишь по ней да еще вызывающей на драку стойке Дана признала Мрака – старшего из лесных людей: с черными до синевы, как крыло ворона, волосами, глазами цвета коры старого дуба, угрюмого и злого. Он и здесь, на острове, настороже, готов к любым подвохам, схватке, крикам и звону железа.

Двое других, Олег и Таргитай, слезают медленно, их все еще шатает. Олег измученно оперся на посох. Дана широко распахнула глаза: в посохе гнездится мощь, смертным не подвластная! Молодой волхв овладевает чародейством непостижимо быстро!

Лишь у Таргитая в руках пусто, а синие, как небо, глаза все так же невинно распахнуты. Правда, из-за спины выглядывает рукоять Золотого Меча, но юный певец все равно не выглядит воином. Несмотря на широкие плечи, рост, мускулистые руки.

Дана вгляделась пристальнее, ощутила за пазухой Таргитая ту самую простенькую дудочку, от звуков которой у нее слабеет тело, а сердце начинает стучать чаще.

В прошлый раз это были все еще полужвери. Сейчас их глаза стали глазами много повидавших и много испытывавших людей. Хотя что можно успеть увидеть за краткую, как полет искорки, жизнь смертного? Но у всех троих вокруг глаз уже пробежала сеточка мелких морщин. Такие возникают даже на юных и мужественных лицах, если долго всматриваться в пламя ночного костра, часто зреть магический свет или напряженно смотреть в Неведомое. Лица посуровели, кожа натянулась, глаза смотрят прямо, вопрошающе. В движениях появилась расчетливая меткость.

– Приветствуем тебя, бессмертная, – сказал Мрак негромко, и Дана удивилась непривычно сдержанному голосу оборотня. – На этот раз мы по своей воле.

Таргитай и Олег подошли и встали по бокам Мрака. Волчьи душегрейки топорщились, а голые плечи, массивные и потемневшие от солнца, блестели, как обкатанные бурной рекой валуны. Сапоги у всех истрепаны, у Таргитая торчат пальцы, а Мрак подвязал левую подошву тетивой.

– Все по-другому, – согласилась Дана. – Сами двигаете звездами?

– Чем? – не понял Мрак, а Олег, услышав о звездах, сразу насторожился.

– Звездами, что кажут путь.

– Да зачем нам?

– Звезды кажут путь слабым, – сказал Олег, его зеленые, как молодая трава, глаза неотрывно смотрели в бесстрастное лицо богини.

Она благосклонно кивнула.

– А сильные сами движут ими.

Мрак равнодушно пожал плечами.

– Может быть, и подвигали невзначай. За всем не уследишь. У нас к тебе очень серьезное дело, бессмертная.

Дана молча и все с тем же смутным удивлением, столь редким для богини еще с тех времен, когда земля была молодой, всматривалась, как трое смертных опускаются перед нею на траву. При первой встрече у них было только одно дело: уцелеть в этом страшном мире. Второй раз увидела, когда река выбросила их на ее остров, уже умеющих держать удары и бить в ответ, но все еще ошалелых, растерянных перед огромностью мира. Теперь... теперь они другие.

– Мы опять гонялись не за теми, – заговорил Олег. Голос молодого волхва был не таким жестким, как у Мрака, но в нем ясно проступала крепость, которой ранее не было. – Не цари правят, как мы думали вначале. Но и не маги, как решили потом.

– А кто?

– Вы правите. Боги.

Мрак ничего не мог прочесть в ясных спокойных глазах великой богини, но Олегу почудилось в них сомнение. Потом она перевела царственный взор на Таргитая.

Золотые волосы певца все так же ниспадали на широкие плечи, раздвинутые так, что начали обвисать под тяжестью, а синие, как васильки, глаза на потемневшем от нещадного солнца лице стали еще ярче и пронзительнее. Душегрейка открывала широкие пластины мускулов груди и ровные валики мышц живота. Кожаный с железными бляшками пояс удерживает на кольцах нож и калиточку. Пухлые детские губы теперь плотно сжаты. Таргитай все еще выглядит простаком, но теперь в его простоте появилось нечто тревожащее.

– Пойдемте, – она легко взвилась на ноги. – Вы голодны. Люди всегда голодны, верно? За едой расскажете.

Из пышной травы, с хрустом раздвигая землю, поднялась массивная скала. Глыбы раздвинулись неслышно, словно скользили по разлитому маслу. Из глубины пахнуло прохладной сыростью. Широкий вход вел покато вниз, в глубине мерцал красноватый свет факела. Дана лишь покосилась на притихшего Змея. Летающий зверь разбросал крылья и все четыре лапы, как приклеился от изнеможения.

– Не убежит, – успокоил Мрак, – и траву не потопчет. Наш волхв кого только не взнуздает! Скоро и на коне научится ездить.

Подземный ход быстро вывел в просторную пещеру, уже знакомую по прошлому разу. Теперь, когда постраниствовали и кое-что повидали, этот воздушный пузырь в каменной горе показался неврам местом диким и неухоженным. Воеводы, не говоря уже о царях, живут в роскошных теремах, а тут богиня! Могла бы изволить что-то лучше.

Под правой стеной журчал ручей, такой прозрачный, почти незримый. За годы и годы он выгрыз и отполировал узкое каменное ложе, а убегал в широкую дыру. Под дальней стеной над каменным полом возвышалось широкое ложе. На ворохе шкур барахтались двое детишек, волтузили друг друга, верещали. Белоголовые и синеглазые, оба показались Мраку странно знакомыми.

Олег вообще застыл обалдело. Всегда привыкший допытываться, вникать, ведать, сейчас силится что-то понять, сопоставить. Мрак не привык ломать голову, спросил в лоб:

– Старшенький – Арпо?

– Угадал. – Бесстрастное лицо речной богини впервые порозовело, глаза заблестели.

– Как он?

– Великоват. – Голос Мрака все же дрогнул. – В прошлый раз... а это было пару месяцев тому, второго вроде бы еще не было...

– Дети героев растут не по дням, а по часам.

Мрак с подозрением оглянулся на «героя». Тот хоть и не чистил пещеры в носу, но стоял обалделый, челюсть отвисла. Герой, хоть забор им подпирай.

– А второй?

– Младшенький. Липо кличут. Догоняет братца.

– Еще как догоняет, – пробормотал Мрак, младшенький как раз подмял старшего и с победным воплем заламывал тому руки. – Ну Таргитай... Ну боец...

– Я что, – пробормотал Таргитай. – Я ничо...

– Эт видно! Не знал только, что от ничо дети бывают.

Посреди пещеры возник стол из каменных плит. Появились жареные куропатки, печеный кабанчик, жареная и вареная рыба, раки невиданной величины, плюхнулась корзина с яблоками.

Лесные люди насыщались быстро, жадно, но глаза оставались серьезными. И даже быстрота перестала быть звериной. Теперь ели люди, которые очень торопились. Мрак перехватил внимательный взгляд Олега. Волхв рассматривает богиню пытливо, словно пытается понять, почему живет в такой дикости. Даже ест как дикая охотница. В первый раз они считали, что так и надо, но теперь, побывав и повидав, знают, что иначе можно, и даже как можно!

При чем здесь дети героев, невопад сказал ему взглядом Мрак. Это наш придурковатый Таргитай герой? У зайцев тоже раз-два – и уже зайчата траву портят. А Род, как известно, богов и зверей творил первыми, вот у них все так похоже.

Олег поспешно отвел глаза. Вдруг богиня уловит непочтительные мысли смертного? Сравнил богиню с крольчихой! Грубый Мрак. Полмира пробежал с ними за лето, многое видал и даже щупал, а все равно за версту видно, что из Леса.

Таргитай все косился то на Дану, то на детей. В глазах были детское удивление и некоторая опаска. Олег ощутил нехорошую зависть. Мрак потому и груб, что только грубость да дикость видел. Он, Олег, тоже груб, но успел умные грамоты повидать, научился сдерживать себя, переспрашивать, сомневаться. Но и он, как и Мрак, за все время странствий не видывал женщин. Лиска разве что, но ее лучше не вспоминать, не задевать, летучий образ рассеивать, не давать рвать душу... Рана свежа, кровоточит при любом касании... А Таргитай, самый дурной и ленивый, не пропустил ни одной бабы по дороге, а дорожка была длинная. Да они сами выбегали отовсюду и на шею кидались!

Он опустил глаза. Горечь была такой, что кусок не лез в горло. Таргитай даже детей заимел – мечта любого мужчины. Вот уж в самом деле дурням везет! Разве что потом боги заставят за все расплатиться страшно и кроваво.

– Благодарствуем, – произнес Олег заплетающимся от усталости языком. Сытость навалилась как мягкая гора. – Позволь до утра...

Мрак уже спал, уронив голову на секиру.

Утром Олег и Мрак вышли с Даной из подземелья, а Таргитай остался дурачиться с детьми. Воздух свеж, по-речному прохладен. Волны бежали серые, как земляные холмы, небо затянуто тучами. Зеленый островок выглядит беззащитным.

Дана выжидающе смотрела на лесных людей.

– Вы – друзья Тарха, отца моих детей. Я хотела бы помочь, но не поняла, чего вы хотите.

– Если бы мы сами знали, – пробормотал Олег тоскливо, а Мрак сказал напористо:

– Уничтожить Зло! Только и всего.

– Что есть Зло?

– Ты... – пробормотал Олег. – Ты не знаешь, что есть Зло?

– Не ведаю.

Мрак покачал головой:

– Богиня ты аль нет?

– Дана великая богиня, – поправил Олег поспешно. – Да-да, я уже понял. Боги не ведают зла! Верно, Дана?

– Зло пришло с людьми, – произнесла Дана бесстрастно. – Но мы, боги, все равно не познали его сути. Но я, кажется, догадываюсь, что вы хотите... Равновесие постепенно нарушалось, потому что сами люди отказались... не везде, правда... от реинкарнации...

– Чего-чего? – переспросил Мрак насторожившись и подозрительно: речь богов темна и непонятна.

Олег сказал быстро:

– Я объясню, Дана. Мраку надо все на пальцах. Раньше не было не вирия, ни подземного мира, потому что шел круговорот душ в природе, верно? Сегодня ты человек, а завтра после смерти возрождался в звере, птице, рыбе, даже дереве. После их смерти мог опять вернуться в человека. Все было просто. Но ничто на белом свете не менялось, а волхвам было завещано, говорят, самим Родом, искать, как изменить мир. Наши волхвы долго искали и нашли способ прервать этот круговорот...

– Сжигая покойников? – спросил Мрак недоверчиво.

– Точно. Души вместе с дымом волей-неволей вздымало вверх. А там, в небесных хоромах, боги образовали... или сами души, это не важно, но там создавался солнечный вирий!

Мрак смотрел все еще недоверчиво, но Дана кивнула благосклонно. Олег сказал еще торопливее:

– Да-да, сперва в вирий уходили все. Потом волхвы решили, что нельзя героев и трусов отправлять в одно место. Ведь вирий – место, где собраны все запасы нужной людям воды. Из вирия можно наблюдать за нашими деяниями... Словом, волхвы создали особые обряды погребения. Одних – в вирий, других – в землю. Наш мир, наша жизнь стали всего лишь проверочными испытаниями. Ну, вроде тех, что устраивает Громобой молодняку. Только здесь вся жизнь – тяжелое испытание!

Мрак покачал головой. В темных глазах была издевка.

– Понятно, почему нет равновесия... В вирий по одному, а к Ящеру – толпами. Верно?

Дана царственно наклонила голову.

– Да, Ящер не забыл, что когда-то был солнечным богом. Он уродлив и страшен, но все равно не избавился от жажды выйти из подземного мира. Выйти и отомстить... Он уже заслал в верхний мир, сюда к нам, верных слуг. Нашел союзников среди упырей, дивов и, говорят, даже аримаспов. Наверх вышли его жена Мара и двенадцать дочерей. А сколько обрел союзников за то время, что вы здесь!

Мрак подумал, пожал плечами.

– Ящер – это, конечно... Да.. Но если подумать, что такое Ящер?.. Всего лишь петух, только гребень у него на всю спину. И яйца в сто раз больше.

Таргитай замер с открытым ртом, стараясь вообразить такого петуха. Олег поморщился:

– Что ты мелешь? Петухи яиц не несут.

– И петухи не зеленые, – добавил опомнившийся Таргитай. – Даже куры... Что-то не то ты говоришь, Мрак!

Мрак поднялся, гордо повел плечами.

– Так чего сидим? И почему хлебалом щелкают в вирии?

– Ворота вирия закрыты до весны, – вставил Олег. – Ключ у кукушки. К ней самой Ящер подбирает ключи. Первым из вирия кукушка выпускает жаворонка. Ящер наверняка попытается захватить мир до того, как откроются ворота вирия снова.

Олег молчал, но Мрак прочел по выразительным глазам волхва, что боги, по его мнению, многого не познали, что давно ведомо человеку.

– Но ты поможешь? – спросил Мрак.

Голос Даны был почти равнодушным.

– Никто из богов не поможет. Из людей – не знаю. Из магов... Но вы уже и среди магов выситесь как горы. Хотя... Кажется, я знаю, кто может вас хотя бы понять. Он знает ответы.

– И на наш вопрос?

– Думаю, на все вопросы. Полагаю, что знает.

– Он бог? – спросил Олег недоверчиво.

Дана медленно покачала головой. В ее золотых волосах пробежали искры, волосы пощелкивали, шевелились. От богини устойчиво пахло рыбой и речной свежестью.

– Вряд ли. Богам дано если не все... то все же больше, чем хотят взять. А этот и сейчас, говорят, носится по свету... Он скорее всего не бог. Только он знает... или может знать ответы. Да еще сам Бог.

– Бог? – переспросил Мрак быстро. – Какой именно?

– Есть только один Бог. – Голос Даны стал почтительным и строгим. – Остальные – просто боги. У него даже имени нет, ибо он – первый. Его назвать было некому. Мы его зовем Прабогом, иногда – Первобогом. Смертные зовут его Родом. От него пошел на-род, род-ина, род-ить, при-род-а, род-ники...

Олег ощутил, как волосы зашевелились на затылке.

– Советуешь спросить самого бога богов?

А Мрак спросил удивленно:

– А что, старик еще живой?

Дана произнесла строго:

– Он не вмешивается в дела мира. Испокон веков сидит в личине белого сокола на вершине Прадуба. Когда я родилась, мир был еще юн, по земле бродили совсем другие звери... Нет, тогда зверей не было, но на вершине Прадуба уже блистала искорка.

Олег зябко передернул плечами. Это ж сколько веков сокол сидит недвижимо? Голова закружилась, словно заглянул в бездну.

– Прадуб, – проворчал Мрак. Он старался держать голос мужественным и чуть насмешливым, но лицо посерело, а губы двигались как на морозе. – Мы ж там бывали!.. Таргитай по нему лез, как коза, а Олег вовсе неся, как битый кот... Какая жалость, в прошлый раз самую малость до вершинки не добежали! Заодно расспросили бы старика.

Дана молчала, ее глаза смотрели поверх голов лесных людей на вход в пещеру, где появились Арпо и Липо. Липо пытался сесть на старшего брата. Тот увертывался, оба падали в зеленую траву, барахтались, как два веселых медвежонка.

Олег сказал медленно:

– Род породил двух сыновей: Белобога и Чернобога. Это они ответственны за все Добро и Зло на свете. А Род... он только сотворил мир.

– Дана, – сказал Олег просительно, – что делать нам?

– Вы – люди.

– Люди, Дана. Мы знаем очень мало. Ты – много.

– Разве ты спишь в огне, как боги? Или на дне реки? Вмороженным в лед? Можешь ли свою искорку жизни сопоставить с бессмертием и неуязвимостью богов?

– Понял, – сказал Олег убито. – С нашим-то рылом да дорогой богов? А ежели чего попроще?

Дана покачала головой:

– Ты герой, но ты лишь человек. А я не знаю путей смертных. И никто из богов не знает. Белобог и Чернобог – могучие боги, но и они не ведают ни добра, ни зла. Это путь людей. Мы не знаем, почему говорите так... Это присуще только вам, людям... Если боги вам и помогут, то случайно. Повредят – тоже случайно.

– А кто – не случайно? – спросил Олег жалобно.

Мрак одернул:

– Ты же слышал: ежели бог прибьет, то это как лавина с горы! Задавит просто так, не со злости. Или река тебя утопит. Или же деревом пришибет...

– Да нет, кто может помочь не случайно?

Оба смотрели на Дану выжидающе и требовательно. Ее глаза не отрывались от играющих детей. Арпо и Липо подняли такой визг, что стебли травы в испуге шарахнулись в стороны.

– Не знаю, – ответила она наконец. – Я же сказала, разве что один старый мудрец... Род сотворил его в числе первых людей. Он даже старше многих богов. Жил столько, что знает пути богов, но он все-таки человек... Побывайте у него.

– Как его найти?

– Я богиня реки, – напомнила она. – Этой реки. Другие края мне неведомы.

Олег смотрел пристально:

– Но тебе неведомы и пути других богов?

Дана кивнула, ничуть не рассердившись, как он втайне боялся.

– Речных – ведомы. Даже морских. А другие зачем? Но я слышала от пролетающих птиц, что живет он в самом старом городе на белом свете.

– Где этот город?

– На Востоке. Знаю еще, что стены того города складывали сами боги. Это единственный нерушимый город на свете...

Она медленно начала входить в речные волны. Вокруг ее сильного тела завертелись бурунчики, замелькали рыбки. По реке показались плывущие речные девы – дети богов и смертных.

– А он знает? – спросил Олег ей в спину.

Она бросила равнодушно через плечо:

– Вряд ли. А ежели знает, то вряд ли то, что вам нужно. Но если не он, то кто? Все-таки это самый знающий из людей. Зовут его Аристеом.

Еще миг невры видели ее золотые волосы, что веером разошлись по воде, тело в прозрачной воде обретало иной блеск, нестерпимый для глаз. Олег уже вскинул руку, защищая глаза, но в следующее мгновение богиня исчезла, воссоединилась с великой рекой.

Мрак ухватил Олега за плечо – а то и над этим станет ломать голову, потащил в пещеру.

Едва вошли, Олег рухнул вниз лицом. Мрак потряс его за плечо. Волхв нехотя повернул голову. Сердце Мрака упало. Лицо волхва было смертельно бледное, а глаза пустые, как у мертвеца.

– Я, – сказал он глухим, но твердым голосом, – не иду.

Мрак покачал головой:

– С нами?

– С вами или без вас... Я не иду дальше.

В дальнем углу Таргитай чесал детям спинки. Оба лежали вниз лицом, подставляли свои горбики, выгибались, худые лопатки остро торчали из-под бледной, не тронутой солнцем кожи. Косточки позвоночника у обоих выступали так, что можно было пересчитать все до единой.

Таргитай спросил тихо, еще не веря, что расслышал верно:

– Богов испугался?

– Тарх... Впрочем, ты ж не ведаешь страха... Мы едва вышли из Леса, так только и вредим миру, в котором живем!

Мрак тяжело сел, обхватил колени руками. Таргитай вскочил, растерянно топтался, как медведь на цепи.

– А что делать? – спросил он горько. – Ведь зло умножается!

– Когда с ним бьемся, – сказал Олег со злостью, – столько ломаем дров, что умножается куда быстрее. Я не хочу больше ломать дров. И вам не дам.

– Олег, у тебя тоже... предчувствие неудачи?

– Предчувствие? Смеешься? С закрытыми глазами видно. Рвать жилы, захлебываться грязью, драться с лютым зверьем – и все для того, чтобы стало еще хуже?

Молчали долго. Мрак проговорил сдавленно:

– Может быть, ты и прав. Одной силы мало. Еще бы и то, чего у нас нет...

– Чего? – спросил Таргитай.

Мрак посмотрел на дударя с отвращением.

– Да всего. Что у нас есть, кроме силы? С другой стороны, если не пойдем, тогда что?

– А ничего, – ответил Олег мрачно. – Ты знаешь, что труднее всего человеку сделать? Не знаешь?.. Труднее всего сказать три слова: «Я был не прав!» Так вот сейчас я говорю ясно и отчетливо: я был не прав! Нас послать в мир – что трех сумасшедших с горящими факелами в сарай с сухим сеном!

Мрак обвел скептическим взглядом пещеру:

– Думаешь... отсюда не попрут?

– Мрак... у нее этих островков тысячи. И везде по мановению мизинца возникают эти пещеры... А нет – переберемся на берег. Много ли нам надо?

На этот раз тяжелое, как воды реки, молчание нарушил Таргитай. Оставил детишек, те сразу притихли, поднялся и шагнул к друзьям. Смотрел. Синие глаза потемнели. Непривычно суровое лицо, плотно сжатые губы. А голос был горьким, ломким от боли:

– Моя душа останется здесь... Но я пойду дальше.

Мрак покачал головой:

– От такой жены... и таких детей?

– Мрак, я – дурак. Я не умею думать. У меня голова вместо мозгов песнями набита. Я слышу голоса, вижу смутные лики. Я иду, когда велит сердце. И куда велит. А там будь что будет.

Олег молчал, Мрак буркнул:

– Сердце... Олег говорит, голову слушать надо.

– Если сердце с головой не в ладу, человек несчастен!

– Так кто главнее? – рявкнул Мрак с неожиданной злостью. – Сердце или голова?

Опять Олег смолчал, а Таргитай сказал убито:

– Знаю, без вас будет невмоготу. Может быть, куры лапами загребут в первой же деревне. Но я пойду... потому что... так велит что-то изнутри. Где они, умные и всезнающие? Я догоню их и на коленях отдам этот огненный Меч! Да, с радостью. А сам – на печь. Мне, кроме тепла, орешков каленых и дудочки, ничо не надо. Но ежели я крайний, ежели нет другого... Олег, твой Змей перевезет меня на берег? Если нет, я переплыву.

Он поднялся, а Мрак буркнул ему в спину:

– Ты ж плаваешь, как моя секира.

– Мы многое не умеем. Но делаем.

Он исчез в слабо освещенном проходе. Мрак и Олег долго смотрели друг на друга. Наконец волхв сказал с тяжким вздохом:

– Чувства!.. Дай сердцу волю – заведет в неволю. Чувства повелевают животными, а у человека – разум. Мы опасны, Мрак! Опасны. Нам дана огромная мощь... ну, сами взяли, а вот ума таким наскоком не обрести.

Острые уши Мрака шелохнулись.

– Пойду взгляну. Как бы в самом деле не кинулся в воду... не попрощавшись.

Олег спросил в спину:

– Мрак... ты хоть не думаешь, что...

Из прохода донеслось досадливое:

– Ты прав, прав... Надо жить разумом! Но я все-таки наполовину волк. Да и человек я все еще дикий.

Волны бесследно впитывались в золотой песок у ног Таргитая. За плечами певца блистала рукоять Меча, пояс туго затянут.

– Дана, – сказал он со смертельной тоской. – Ну что за жизнь у нас, людей?

– Мне никогда не понять смертных, – ответила она ровным, как степь, голосом. – Но ты иди. Герои всегда уходят. Они уходят рано, намного раньше... других.

Дети подбежали, зачуяв перемену, прижались. Он с неловкостью обнял обоих.

– Я хотел бы побывать здесь без спешки... Когда все это кончится.

Она прямо посмотрела в его синие глаза. Голос ее был тих и все так же ровен.

– Третьего сына я назову Коло.

Из пещеры показались, щурясь от яркого света, оборотень и волхв. Мрак услышал богиню, присвистнул. Олег смотрел как грозовая туча. Мрака не понять. Ведь, в отличие от Таргитая, понимает же, что верно, что неверно! Что творится с оборотнем?

– Богиня, – сказал Мрак, – благодарствуем за хлеб-соль... Ну, за рыбу и раков.

Глава 2

Послышались могучие хлопки. На остров тяжело падал грузный Змей, изумрудно-зеленый, словно только что перелинявший, вдвое крупнее предыдущего. Крылья подняли ветер, а когтистые лапы с такой силой ударились в рыхлую землю, что Змей погрузился, как в болото, по самое пузо.

Глаза полыхали багровым огнем. Из пасти вырывались частые клубы синего дыма. Просакивали искры. Змей в панцире из толстых плит, от загривка тянулся ярко-красный гребень. На горбатой спине частокол был в рост человека, между иглами можно сесть по двое. Длинные когти отливали недоброй голубизной, словно умело выделанный булат.

– Быстро ты его, – буркнул Мрак. – Прямо из подземелья вызвал?

– Долго ли умеючи?

– Умеючи – долго, – отпарировал Мрак намекаяще. – Просто ты вроде бы ухаживал кабанчика, потом второго...

– Я свистел сквозь зубы.

Дана молча наблюдала, как существо с секирой за плечами, чья жизнь так коротка, бесстрашно карабкается на горбатую спину крылатого чудовища. Таргитай уже на лапе Змея повернулся, растопырил руки. Дети, как два визжащих поросенка, сразу оказались в его объятиях. Он целовал и нацеловывал снова, лицо кривилось, а глаза блестели.

– Дана... Эх, остаться бы мне...

– Третий сын, – повторила она, глаза ее смотрели вдаль, – которого я понесла этой ночью, будет... я не знаю кем, только чувствую, что сотворит нечто... или с ним что-то... О нем узнают даже боги!

Мрак крикнул сверху:

– Как назовешь?

– Коло. Его будут звать Коло.

– Коло, – повторил Мрак, – авось еще успеем услышать! Они у тебя растут даже не по часам – как грибы после теплого дождика! Олег, эта корова с крыльями не заснула?

Таргитай смотрел на него счастливыми глазами.

– Вы... тоже?

– Это ты тоже, – огрызнулся Мрак. – А я – настоящий.

Он поднял кулак в прощании. Олег, такой маленький и расплоснутый, медленно поднял ладонь с растопыренными пальцами.

Змей тяжело побежал, на ходу растопыривая крылья. От них пошел сухой треск, будто ломались толстые вязанки хвороста. Мрак сидел на загривке зверя, ноги болтались.

Крохотный островок внезапно кончился, Змей тяжело побежал по мелководью. Тучи радужных брызг обдали их с головами. Змей замолотил по воздуху чаще, начал подпрыгивать, как гигантский сом, что норовит ухватить пролетающего жука.

Их ударило холодным ветром, воду разом сдуло. Змей пару раз мощно взмахнул крыльями – они трещали, едва не рвались, – затем распластал, как исполинские паруса. Мрак слышал, как часто бьется под ним огромное сердце зверя. Маленький остров был уже далеко внизу и с каждым мгновением уменьшался.

Мрак поглядывал вниз, одолевая страх высоты. Могучая река уменьшилась, берега сдвигались. С этой высоты река Даны уже не выглядит океаном. Все-таки они трое успели увидеть больше, а богиня все же невольница великой реки!

Змей слегка снизился, зелень внизу раздробилась на крохотные деревца, но река великой Даны уже осталась далеко позади. Впереди открывался новый мир, и скоро даже Таргитай – Мрак за ним наблюдал исподтишка – ушел мыслями с острова и полетел впереди Змея.

Данапр превратился в ручеек, затем затерялся в зелени. Воздух стал холодный, обжигал горло, будто глотали толченый лед. Мрак ловил на себе вопросительные взгляды Таргитая. Ни один из них не умеет управлять летающим зверем. Таргитай просил Олега, чтобы Змей перевез его на берег...

Но Змей прет и прет дальше!

Таргитай не успел проголодаться, как Змей вломился в черное месиво тучи. Их накрыло дождем. Змей попробовал подняться выше, но (и) там хлестали водяные струи, толстые и ледяные, будто Змей заснул под водопадом.

– Отсюда не выбраться, – пробормотал Таргитай.

Мрак по-волчьи оскалил зубы:

– А кто мечтал погибнуть на полном скаку?

– Так мы ж не скачем...

– В полете разве хуже?

– В полете, – простонал Таргитай. – Меня уже рыбой по голове ударило!

Змей вдруг заработал крыльями чаще, закричал, застонал от натуги, но вверх все же пробился. Чуть посветлело, Таргитай был прав: дождя здесь уже не было. Взамен крепко секло градом. Сперва град был с горошину, потом с орех, затем с воронье яйцо. Воздух стал как в зимнюю стужу, а встречный ветер враз выдул остатки тепла.

– Эта ящерица с крыльями летит сама по себе, – определил Мрак. – Возможно, в гнездо. А там птенцы ждут...

Таргитай попробовал пощупать рукоять Меча, но окоченевшие пальцы не желали отцепиться от гребня. Ветер стал злее.

– Переждать бы грозу... на земле...

– Я уже вымок, как Ящер...

– Ты когда последний раз мылся?

– Я уже чистый, как медведь под дождем...

Таргитай зажмурился, сжался. Змея бросало в воздушных ямах, трясло, подбрасывало. Потом что-то изменилось, Таргитай поспешно раскрыл глаза. Впереди на шее Змея горбится знакомая фигура. Ветер треплет красные волосы.

– Олег, – прошептал Таргитай. С плеч сразу свалилась гора. Он перебрался вперед... – Теперь все будет хорошо...

Змей поднялся выше. Таргитай взвыл, согнулся так, что коленями сдавил уши. Похолодало еще, зато посветлело, град оборвался так же внезапно, как и ливень. Встречный ветер пронизывал до костей, вот-вот сдует мясо. От дыхания выступал иней на коленях, его тут же срывало ветром.

Под ногами в черном бурлящем месиве туч страшно вспыхивало. В толще огонь казался пурпурным, даже багровым, но когда Таргитай увидел, как полыхнуло в просвете между тучами, то скрючился еще больше и закрыл ослепленные глаза. Но и под плотно сжатыми веками видел страшную ветвистую молнию, похожую на невиданный корень. Белую настолько, что ничто на земле не могло быть таким чистым и незапятнанно белым!

Мрак окоченевшими пальцами пощупал узлы. Кожаные ремни застыли. От толчков их затянуло, даже бережливый Олег не развяжет.

Олег сидел впереди, выбирал дорогу. Он же принимал на себя и удары встречного ветра. Мрак, с трудом одолевая тошноту, старался не отводить взгляд от спины волхва. Под собой чувствовал костяную плиту, спереди и сзади надежно зажимают толстые, как колья в ограде Боромира, иглы гребня, но все-таки... в двух саженях от пуза Змея начинается бездна!

Они стремительно неслись над полем клубящегося дыма. Иссиня-черный, словно по необъятной долине стлался дым от пожарища, там же часто блистали багровые сполохи. Мрак

предпочитал думать как о пожаре, страшнее помнить, что под этим дымом еще две-три версты и что опускаются все ближе и ближе...

– Олег! – крикнул он хрипло: губы застыли, едва шелохнулись. – Ты ж говорил, поверху вроде быстрее...

– Но падать дольше, – донесся такой же хриплый замученный голос.

– Но Змей...

Олег молчал, и Мрак стиснул зубы. Под ним стонало и хрипело, бока Змея раздувались часто, а сердце стучало так, что подпрыгивали мешки.

Они погрузились в грохочущее месиво из дождя, града, молний и мокрого ветра. Змей падал, спешил выйти из грозы. Внезапно рядом с Мраком грянуло так страшно, что его подбросило. Волосы встали дыбом, а зубы заныли, будто после горячей ухи хлебнул родниковой воды.

В туго натянутой перепонке крыла возникла дыра с обугленными краями. Пахнуло горелым мясом. Змей вскрикнул так, будто закричала от боли гора.

Несло вниз круто, трясло и колыхало, как лист на ветру. Змей едва не перевернулся вверх пузом.

– Олег! – закричали в один голос.

Олег молча опустил ладонь. Мрак сжался, желудок начал карабкаться к горлу.

Когда выпали из тучи, земля оказалась неожиданно близко. Серая полоска ручья в самом деле оказалась ручьем, не рекой, а деревья вырастали уже не только снизу, но и спереди.

Вытянутые вперед лапы Змея ударились в жидкую грязь. Он быстро-быстро пробежал, зацепился за корягу и рухнул. Тучи грязной воды, как исполинские уши неведомого зверя, выросли по обе стороны. Олега сорвало, пронесло кубарем по шее. Он упал в грязь и остался лежать, раскинув руки.

Мрака и Таргитая ремни удержали. Под ногами хрипело и стонало, будто работали огромные прохуdivшиеся мешки в кузне Степана. Змей как уронил морду в грязь, так и не двигался. Огромные крылья раскинулись на половину поля.

Мрак ножом перехватил тугой узел, в два прыжка оказался возле волхва. Олег поднял голову, только зеленые глаза блеснули под слоем грязи.

– Как Змей?

– Ты бы о Тархе спросил, – упрекнул Мрак, не удержался.

– Дурней боги берегут.

– Точно?

Олег пожал плечами:

– Так говорят...

С трудом поднялся. С него текло, будто неделю пролежал на дне болота. На спине недвижимого зверя Таргитой суетился, окоченевшими пальцами пытался ослабить узлы.

– А зачем их берегут?

– Наверное, родню чувствуют... Потому дурней на свете все больше. А Змеев – меньше.

Все еще шатаясь, ступил на кожаное крыло. Под ногами прогнулось, сухожилия пошли желтыми болезненными узлами. Опаленная дыра зияла у самого основания, а ветром ткань рвануло так, что теперь в кровоточащую щель пролезла бы стельная корова. В двух местах торчали сломанные кости, нехорошо белели обнажившиеся хрящи.

– Добей, не мучь скотину, – крикнул Мрак вдогонку.

Олег опустил ладони на края раны. Между пальцами вспыхнули сухо пощелкивающие, как угольки, искорки. Змей дышал все медленнее, огромная голова повернулась. Олег увидел немигающие глаза навывкате, холодные и нерассуждающие. По спине пробежал холодок. Глаза зверя все еще туманило болью, но Змей словно бы понимал, что боль затихает не сама по себе.

Олег едва держался на ногах, перед глазами все плыло, внезапно ощутил на затылке мощное дыхание. Над ним нависала огромная, как скала, голова Змея. От трещины остался безобразный бугристый шов, пальцы приклеились к застывшей сукровице.

– Ну-ну, – проговорил Олег дрогнувшим голосом, – не пугай, я ж не Мрак, которому все нипочем...

Змей шумно всхрипнул. По Мраку, большая жаба с крыльями, но те каждое лето на берег лезут новые, а Змеи только через семь лет кожи меняют – неужто ума не набираются? Если долго-долго жить, то даже Таргитай бы поумнел, а этот с крыльями не беспечный Тарх?

Олег перехватил уважительный взгляд оборотня. Мрак полагает, что он сумел одолеть трусость. Такого зверя не страшится! Но так же поляне и даже их дети не страшатся огромных рогатых коров.

Когда-нибудь, сказал себе твердо, когда все это закончится... да-да, сразу же придет время и Змеев, и дивов, побывает в подземельях Древних Магов, прочтет старые книги, без спешки посетит самых мудрых, почерпнет знаний...

Сразу же – как только.

Облепленный грязью Змей шумно поедал кусты, выдирая их вместе с корнями. Молодые деревца хватал передними лапами, пригибал, с хрустом и треском сжирал молодые верхушки. Когда вытягивал шею, пластинки на шее раздвигались, открывая нежную кожу, не выдавшую даже солнца. Мрак всякий раз прицельно намечал место: с одного удара голову долой! Спыхватывался – своя ж тварь, все одно что коня убить, – но глаза искали, намечали, показывали, как острое лезвие пройдет в щель костяного панциря.

Обиженный Таргитай явился с оленем на плече. Швырнул к костру, едва не угодил в грязь. Гроза ушла, солнце спешно подсушивало землю, но мощь осеннего солнца уже не та. Этим лужам, похоже, судьба покрыться льдом.

– Настоящий охотник, – похвалил Мрак. – Чего губы надул? Учись обходиться без Мрака.

Таргитай виновато уронил голову. Забыл, что Мраку назначено скоро держать ответ перед богом мертвых! Великодушный Мрак и тут думает не о себе – о них, не самых умелых в этой жизни.

Змей поспешно повернулся к истекающей кровью туше. Мрак приглашающе помахал дланью:

– Для тебя били! Но поспеши, а то за Таргитаем... Он у нас рыбой ушибленный. Значит, голодный.

Жалость к Мраку сразу испарилась. Таргитай выудил свирель, жалобные звуки полились над мокрой равниной. Змей не слушал, торопливо рвал мясо страшной пастью, кровь окрасила лужи. Даже Мрак опасливо отошел, ибо зверь всякий раз, видя оборотня близ оленя, грозно и предупреждающе рычал.

– Этого хватит? – спросил Мрак.

– Еще бы одного-двух, – сказал Олег напряженно. – Не дотянем до Города, сами пойдем на корм.

– Вот за что люблю Змеев! А ты полетишь с нами дальше?

Олег прятал глаза, голос был озлобленный.

– Вас без меня не только куры, но и воробьи загребут.

Мрак поспешно согласился:

– Точно. Что воробьи – муравьи! Мы с Тархом уже готовились помереть, а тут ты явился. Ты под крылом или еще где прятался?

– Именно в «еще». Там теплее и не дует.

Мрак недоверчиво покрутил головой.

– Не дует? Гм, а звук слышно было... И вонь... Ладно-ладно, забудем, где ты прятался. Сколько, говоришь, до этого самого древнего?

– До ночи могли бы успеть. Ежели по прямой.

– А как еще? – спросил Мрак подозрительно. – Мы ж летели как стрела!

– Стрелу тоже сносит ветер. Если опять гроза или еще что...

– Это «еще что» будет обязательно, – пообещал Мрак. – Так что давай сейчас. Чтобы до вечера успеть.

Огромный багровый шар медленно опускался к виднокраю. Тот уже заранее прогнулся, готовясь принять невероятную тяжесть. Встречный ветер потерял лютость, пронизывал не до мозга костей, всего лишь больно сек кожу.

Вверху он был чисто зимним, даже снежинки проскакивали: колючие, злые, с разлета кололи, как крохотными стрелами. Когда Змей неся, как огромная летучая мышь, над самой землей, у Мрака голова кружилась от мелькающих деревьев.

Его, наконец, вывернуло, встревоженным друзьям сообщил виновато, что сдуру съел печень больного оленя. А может быть, то был не простой и честный олень, а зверь, что подло пользовался его личиной.

Олег и Таргитай сидели, сжавшись в комки, берегли остатки тепла. Мрак старался не смотреть даже по сторонам, но все же первый вскрикнул:

– Олег!.. Быстрее!

Волхв в испуге завертел головой. Впереди показалось темное пятнышко, быстро увеличилось в размерах, пронеслось справа. Олег едва успел разглядеть бледное злое лицо, горящие глаза.

– Кто это был? – спросил Мрак.

– Мрак, я не разглядел...

– Человек, – сказал Мрак с презрением. – Висит между небом и землей. В белом, шкура выделанная, мягкая. Борода седая, но мужик еще в силе. Подпоясан жилой, что годна на тетиву... Что еще? Ага, в руке палка. С виду простая.

Таргитай поскуливал, оглядывался. Странного человека давно и след простыл, в усталых глазах плясала не одна темная точка, а целый рой темных мух.

– Между небом и землей... – повторил Олег напряженно, кожа на лбу собралась в морщинки. – Кто бы... Ага! Это никак сам великий подвижник Кремех?.. Боги, никогда бы не подумал, что удастся его узреть...

– Что за Кремех? – рявкнул Мрак зло. – Какого черта он там висит? Чем нам это грозит?

В зеленых глазах волхва все еще было великое удивление.

– Нам – ничем. Это было в давние-давние времена... Волхвы тогда, говорят, имели большую силу. Как-то решили, возгордившись в своей мощи, живыми достичь вирия, обиталища небесных богов. Самый могучий собрал своих сторонников, с их помощью начал подниматься в небо... Боги рассердились, попытались воспрепятствовать, но волхвы были сильны и упрямы – перли своего вожака, несмотря ни на что. Наконец боги, собравшись всем селом, сумели остановить его продвижение... на большее сил не хватило. Так и остался великий волхв на полдороге.

– Но... почему даже сейчас?

– Древние волхвы ушли, но их магия бессмертна. А боги уже и забыли о старой схватке. К себе не пустили – и ладно.

Мрак неожиданно зябко передернул плечами.

– Вот так и тягайся с богами.

Олег ощутил такой приступ страха, что в глазах потемнело. Древние волхвы были столь сильны, что горами двигали, но у тех, возомнивших о себе, кто пытался тягаться с богами,

судьба была страшной. Боги наказывали жестоко. Вряд ли они просто забыли о гордом волхве. Скорее всего оставили в назидание всему потомству людей.

Задул сильный встречный ветер. Деревья клонило к земле вершинками, в лица швыряло комья земли, сучья. Змей долго проламывался сквозь бурю, наконец упал, ломая густые кусты. В нем хрипело так, что Таргитай взмолился:

- Олег, не бей ящерицу! Надо переждать ветер.
- Ветра... не должно быть...
- Откуда ведаешь?
- Тучи гонит в другую сторону.
- Ну и что? Вверху ветер туда, а здесь – сюда.

Мрак вмешался:

- А колдовством не пахнет?
- Олег прислушался, голос дрогнул.
- Ты прав... Но кто? Попался бы мне этот маг!
- Попадется, – утешил Мрак. – Нам всегда все попадается.

Таргитай извертелся, костяная плита под ним уже дымилась, а синие глаза стали как блюдца.

- Кто-то старается нас задержать?
- Кому мы нужны, – ответил Олег горько. – У нас нет врагов.
- Уже нет, – вздохнул Мрак лицемерно. – Как жить будем?
- Скорее всего, – продолжил Олег медленно, словно размышляя вслух, его глаза смотрели невидяще вдаль, а голос тоже доносился словно от виднокрая, – какой-нибудь деревенский колдун отгоняет тучу от своей деревни.
- Но она ж обрушится на соседей!
- А ему не все равно? Для него белый свет кончается за околицей.

Таргитай опустил глаза, к щекам прилила горячая кровь. Для них троих совсем недавно за деревней был и Край Мира.

Олег сумел переломить ветер, погнал обратно. Змея понесло, будто у него выросла еще пара крыльев. Мрак и Таргитай нахваливали волхва: давно бы так, тот опечаленно прижимал мешок с травами. Любое волхвование кому-то наносит вред. Пользоваться магией только для себя вроде бы стыдно...

Теплело. Мрак тревожился, с недоумением поглядывал на багровый шар, что как завис над видноколом, так и не скатывается в подземный мир. Будто дает им время засветло добраться до Города.

– Угадал, – сказал Олег, словно прочел мысли Мрака. – День длиннее, если гнаться за солнцем.

- Почему?
- Когда-нибудь узнаю.
- Мрак беспокойно задвигался.
- Если не чудится... И если не марево...
- Город?
- Поблескивает что-то... Вроде бы крыши.

Змей по неслышиму велению пошел круто вниз. Совсем близко замелькали ровные, усеянные цветами кусты. Поляны тоже были покрыты крупными диковинными цветами. Невры уловили сильный аромат, бодряще пахло свежей листвой и сочной травой.

- Сажаю, – сказал Олег осторожно, в голосе звучало сожаление. – Дальше пешком.
- Таргитай спросил чистым детским голосом:
- Почему?

– Не знаю, – ответил Олег хмуро.

Неожиданно ответил Мрак:

– В этом мире не любят ни сильных, ни умных. Охотка у нас есть, но есть ли время драться со всеми?

– А что, придется?

– Тарх, да ежели прилетим на Змее, полгорода выбежит с кольями! И как бы мы ни уверяли, что мы хорошие, все одно прибьют. На всякий случай.

Змей с разгону, хоть и растопырил крылья, гася встречный ветер, въехал в роскошные кусты, переломал, пробежался, топча и толоча сочную хрустящую зелень. Его забрызгало белесым соком, остановился, длинный раздвоенный язык лизнул испачканную лапу, затем Змей принялся облизывать себя торопливо, жадно, страшная зубатая пасть начала подхватывать истекающие густым соком ветви.

Таргитай слез, как всегда, последним. Вид у него несчастный, синие глаза смотрели затравленно. Хоть спина летящего Змея – не теплая печь, но и здесь прижился, человек везде приживается, а на новом месте обязательно жди беды... С их счастьем только по грибы! Да и те разбегутся.

Мрак швырнул ему дорожный мешок. У него из-за плеча уже выглядывали концы стрел, рукоять секиры и широкие ремни дорожной сумы. Олег махнул Змею, тот нехотя пополз от близкой дороги.

Глава 3

Сапоги звонко били в сухую, как обветренные кости, землю. Вдали угрожающе поднимались каменные стены. Высокие настолько, что непонятно, как тучи и даже мелкие облачка протискиваются между каменными зубцами и небесным куполом.

Вот так, подумал Таргитай измученно, вот уже полгода они идут, бегут, скачут в дождь, зной. Когда кони падают от усталости, Мрак тут же гонит бегом. Когда дорогу загорали горы, то Мрак и Олег, соперничая в чутье и ведовстве, находили глубокие норы, что выводили на ту сторону. Если же впереди такие вот стены, то явно придется карабкаться через самую высокую.

Мрак на ходу крикнул:

– Вон опять руины... И там развалины древнего города!

– Ежели порыться, – предложил Таргитай, загораясь, – то может отыскаться подвал... подпол со скрытыми тайниками.

Олег шел, весь в думах. Мрак крикнул громче:

– Волхв!.. Как насчет древней мудрости?

Олег отмахнулся:

– Много она им помогла.

– Все мрут, нам дорогу трут.

– Но здоровые дают потомство.

Мрак почесал затылок.

– Я понял, о чем ты. Хоть дурные, зато здоровые, да? И еще на дудке чтоб играли.

– Вроде того.

– Ну, ежели так... Впрочем, потомство могло хамелю-хамелю в другое место.

Таргитай оглядывался сожалеюще, намек не уловил. Олег опять ушел в думы, как в темный лес, даже спина не мелькает. Мрак бросил с невеселым удивлением:

– Мы ж этих мертвых городов повстречали больше, чем живых!.. Неужто мир так стар?

Таргитай и Олег лишь тяжело дышали на бегу. Под сапогами гремела уже земля желтая, но такая же твердая и мертвая. Руины проползли справа и остались за спинами. Таргитай оглядываться перестал. Ничто не растет, и никто не живет, но когда-то текли реки, росла сочная зеленая трава, вздымались города. Но реки в один день не пересыхают, народы приходят и уходят, а Род все смотрит на свой мир, смотрит, смотрит... Чего-то ждет?

Олег вздрогнул, почему-то подумав, что люди не просто так живут, а для чего-то. Судя по руинам таких древних городов, жизнь людская не меняется. Города и сейчас такие же, как строили тыщи и тыщи лет тому. Под землей, занесенные песками, покоятся еще более древние стены. Но ничего не меняется.

От зноя накалились головы, а соленый пот, быстро испаряясь, превращался в белесую корочку. Таргитай, отчаянно почесываясь, подошел к Олегу:

– Слушай, волхв... Мне все время мерещится, что по мне ползают всякие сороконожки, пауки, муравьи, жуки, мокрицы...

Олег отпрыгнул в страхе:

– Осторожно! Не стряхни на меня.

Мрак остановился на вершинке холма, оглянулся, скаля зубы, приглашающе помахал. Таргитай послушно взбежал, ахнул, отшатнулся, будто получил кувалдой промеж глаз.

Олег поднялся настороженный: эту ухмылочку Мрака уже знал.

Внизу вся широкая долина до едва виднеющейся на виднокрае башни была завалена белыми костями и черепами. Человеческие скелеты лежали целыми и по частям, что-то по

норам растащило зверье. Вперемешку с костями виднелись ржавые щиты, обломки оружия, догнивающие сапоги...

Человеческих черепов было столько, что даже Мрак решил сперва, что померещилось. Вообще не думал, что на свете столько народу, а тут одних скелетов больше, чем он видел людей в державе киммеров. Реберные каркасы угрожающе воздевали острые обломки, чахлая трава не могла скрыть высушенные, как мел, кости.

– Пошли, – сказал Олег бесстрастным голосом. – Насмотримся.

– Почему? Я не хочу смотреть.

– Иди с закрытыми глазами.

Мрак угрюмо сопел, шел осторожно, водил глазами. Олег хотел было напомнить, что здесь одни скелеты, как оборотень буркнул:

– Оружие не собрали... Вон даже меч ржа изгрызла.

– Ну и что?

– Противник больно могуч. Железо не бережет...

У подножия уже пошли по костям. Хрустело, вздымались белые дымки. Так шли полдня, а затем невры заметили, что трупы попадаются все более недавние: обглоданные, оружие не ушло в ржавчину.

Таргитай с унынием и сочувствием рассматривал скелет, что лежал прямо на дороге.

– Вот и кончилась жизнь... Здесь были глаза, здесь торчали уши... ага, тут был нос... а здесь... гм... был...

Олег покачал головой:

– Не был, а была. Это женский скелет, дурень.

Башня вырастала, а среди павших пошли трупы с уцелевшей одеждой. Когда до башни осталось с полверсты, встретили убитых даже в доспехах. Вороны только-только успели выклевать глаза, мелкие зверьки и сейчас грызли лица павших. Хищные жуки торопливо проедали норы в твердеющей плоти.

Таргитай отворачивался, не мог смотреть на Олега. Волхв на ходу переворачивал трупы, бегло осматривал, морщил лоб, задумчиво хмыкал. Мрак тоже наклонялся, срывал амулеты, кольца, шарил в карманах.

– Олег, от чего померли?

– Хотел бы сам знать...

Таргитай опережал друзей: оба в такие минуты казались отвратительными. Он даже дудочку вытащил, заиграл скорбную мелодию. Когда волхв и оборотень задержались, крикнул не оборачиваясь:

– Что вам от них надо? Им уже не помочь.

Мрак даже не ответил, а Олег буркнул:

– Им нет, а нам можно.

– Как?

– Смерть одного – урок другому. Даже если он ушибленный рыбой.

Дорога раздваивалась: одна шла к башне, другая тянулась вдоль стены, уходила к дальней роще. Мрак равнодушно прошел мимо ворот, Таргитай оглядывался, выворачивая шею.

– Так и не заглянем?

– А чо те надо?

– Ну, кто там внутри... И почему так мертво. Даже со стен никто не лает, не кидает камнями.

Мрак прорычал:

– Погр-р-рабить восхотелось? Научись проходить мимо соблазнов. Иначе никогда не доберешься до цели.

Таргитай оскорбленно – такое о нем подумать! – побежал, опередил обоих, а Олег, отмечавший про себя каждое слово, подумал горько, что в таком случае их цель – помереть, ибо спешат схлестнуться с богами!

Башня осталась маячить голым скелетом на небе, как некий чудовищный зверь древних времен. Невры вышли на бескрайнее унылое плато. Вдоль дороги к небу тянулись черные кресты из добротных бревен. Сердце Таргитая сжалось: на каждом были распятые мертвецы. От некоторых остались одни скелеты. Сытые вороны равнодушно смотрели на идущих внизу троих еще живых. Обрывки одежды трепало ветром.

Мрак покачал головой:

– Пошто так?

Олег равнодушно буркнул:

– Это свои.

– Врешь! – не поверил Мрак. – Чтоб своих, да так люто... Если виноват, то просто чикни ножом по горлу. Аль ты шутить пробуешь?

– Мрак, какие шутки? Есть племена, для которых класть в землю – отдавать червям на поругание.

– Поляне тоже так считали. Они своих жгли, как поленья.

– Поляне потому и поляне, что на полянах. Посреди леса! А здесь земля да скалы, щепки не отыщешь.

– А эти столбы?

– Везли издалека, стоят дорого. Не видишь, на каждом уже не один побывал. Может быть, каждый столб принадлежит одному роду... Нет, только богатые могут такими владеть. Другие же столбы – общие. Всяк приспособливается, Мрак. Только мы все такие же твердоголовые.

– Настоящий человек не должен меняться, – ответил Мрак гордо.

– Настоящий человек должен меняться, – сказал вдруг Таргитай. Он старался говорить важно, но при беге получалось плохо. – Только дурни не меняются.

Олег бежал молча. Мрак на ходу ткнул его в бок – не спи, замерзнешь. Волхв выдавил с неохотой:

– Меняются. Сегодня дурость одна, завтра – другая. То, что вчера мудрость, сегодня – обыденность, а завтра и вовсе дурость. Все мы умные задним числом.

Он перепрыгнул расщелину. За сапоги цапнуло темное, хищное, выбросившее длинные цепкие лапы. Мрак на ходу стоптал, неодобрительно хмыкнул:

– А вещи на что? Зри, что будет умностью, что – дуростью. Той дорожкой и потопаем.

Олег ответил тоскливым голосом:

– Ничего не зрю... Не знаю, но туда мой дар не проникает.

Мрак оскалил зубы в широкой усмешке:

– Нет, потому что нет. Нету, разумеешь? Только будет. А будет то, что сотворим. Мудрый ты как-то местами, вроде божьей коровки! Простых вещей, ну совсем простых, не понимаешь!

Простых никто не понимает, подумал Олег сердито. Их просто принимают. Это в сложные вгрызаются. Всяк в сложных знаток и мудрец, всяк все знает и другим указывает...

Мрак остановился, мешок полетел на землю.

– Передохнем.

Таргитай огляделся:

– Местечко очень удобное. Мягкая травка, ручей. Здесь и полежим, перекусим.

– Ты прав, – кивнул Олег. – Местечко – лучше не выбрать. Ты мог ошибиться, но не эти тыщи зубатых муравьев!

Таргитай подскочил как ошпаренный.

Олег проснулся, научился спать чутко. Мрак люто бил оземь нечто желтое, сухое, с вывернутыми суставами. Оборотень трудился молча, земля гудела, существо верещало отвратительным скрипучим голосом, словно ножом скребли по камню.

Олег в красном свете догорающего костра рассмотрел изувеченную девку: в лохмотьях, с грязными нечесаными волосами, воспаленными гнойными веками. Мрак свирепо молотил ею по земле, как только жизнь еще теплилась, топтал, хватал снова и бил о деревья.

– Мрак! – заорал Олег. – Это кто?

Мрак зло оглянулся:

– Ты волхв, ты и ответь!

Олег перелез через спящего Таргитая, тот не шелохнулся, храпел, раскинув руки.

– Ты бы отпустил несчастную... Что тебе сделала?

Мрак с размаха хрястнул жертвой о ствол вяза. Дерево загудело, посыпались листья, куски коры и сучья. Несчастная завопила громче, лицо и руки были в странно белесой крови.

– Мне ничо, – огрызнулся Мрак. – А вот тебе... Отпустить?

– Нет-нет, тогда держи, – крикнул Олег поспешно. – Кто это?

– Ломота, если угадал... А то и Жовтяница. Тебе мало, что тебя еще в детстве покусала Лякливица?

Он с размаха ударил ею оземь. Пыль закрыла Таргитая, чихнул, но не проснулся. Мрак с отвращением разжал пальцы, вытер ладони. Существо попыталось подняться на дрожащих ногах, но руки подломились, упало в пыль разбитым лицом.

– Силен, – проговорил Олег потрясенно. – Не думал, что можно так внучку самого Чернобога... Она меня куснула?

– Я, похоже, успел раньше.

– Куснуть?

Ломота кое-как воздела себя на ноги. Горящие желтые глаза отыскивали Мрака, синий рот изогнулся в жуткой гримасе.

– Ты... умрешь... Скоро, ужасно!

Мрак потянулся, зевнул.

– Опять та же песня. Мамка твоя где? Еще бы и ее...

Ломота отступила. Кровь засохла и осыпалась грязными струпьями. Разбитые губы, только что толстые, как оладьи, стали как две бледные пиявки.

– Прежде встретишься с моими сестрами!

– С кем еще? – осведомился Мрак. – Кикимору бивал, Навью гонял, Пропасницу еще в деревне отвозил по первое число... Лякливицу бы встретить! А то наш волхв больно пужливый.

– Ты еще встретишь Черевуху, Людницу, Огневицу...

Мрак сказал довольно:

– Значит, долго жить будем: вон их сколько! Плодовитая твоя мамка. Как поросная мышь. Видать, трижды в год поросилась. Эх, добро бы так плодилось, а то все погань да погань...

Ломота исчезла, только слышалось затихающее шлепанье босых ног. Мрак лениво подвигал палкой угли. Взвился столбик искр. Олег не ложился, загибал поочередно пальцы. Губы волхва неслышно шевелились.

– Разуйся, – посоветовал Мрак с лицемерным сочувствием. – Их же двенадцать, даже я знаю.

Олег сбился, начал снова:

– Черевуха, Людница, Огневица, Коркуша, Глуханя, Гризачка, Жовтяница... Мрак, мы одолели магов, но как будем драться с богами?

– А эти твари – богини?

– Вряд ли. Но все-таки бессмертные.

Мрак пожал плечами:

– Вишь, отделал и бессмертную. А чтобы совсем, надо не болеть, только и всего. И не пужаться. Тогда и Лякливица ничего не сможет.

– Мрак, разве люди когда-нибудь перестанут пугаться?.. Ладно, но как одолеем Мару? Она страшнее своих дочерей. Дочь самого Чернобога!

Мрак проворчал, уже засыпая:

– Что думать заранее? Пусть конь думает, у него голова поболее...

Он умолк на полуслове. Олег с несчастным видом лег с другой стороны костра, отгородившись от злой ночи жарким огнем. Ему надо думать заранее. Он не Мрак, который в любом деле сразу находится. Правда, как находится – хватает секиру!

Наутро увидели вдаль столб черного дыма. Он поднимался в синеву быстро и стремительно, ввинчиваясь в небесную твердь как чудовищный коловорот, но пробить не мог, расползаясь тонкой и черной кроной немыслимого дерева.

По мере того как приближались, столб превратился в исполинскую черную гору. Воздух стал жарким, невры ощутили устойчивый попутный ветер. Черная гора, совершенно отвесная, одинаковая по ширине у основания и вершины, упиралась в небо, растекалась по небосводу.

Острые глаза Мрака уже узрели красное у основания. Ветер донес запах гари.

– Что там может так гореть? – спросил Олег.

– Кто у нас волхв? – ответил Мрак.

– Перед неведомым все одинаковы.

– Только дурни одинаковы. А ты – волхв!

Багровый чадный огонь вылетал, похоже, из трещин в земле. По мере того как невры подходили ближе, трещины разрастались в ущелья. Издали видны были обугленные и оплавленные края, из глубины вылетали лохмотья копоти. Воздух сухой, жаркий, пропитанный запахом горелой земли.

Олег сказал тревожно:

– Огонь, судя по всему, полыхает не один день...

– Как точно. – Голос Мрака был едким, как муравьиная кислота. – Скажи, год или даже столетие – не ошибешься тоже.

От жара спины взмокли, мутные капли срывались с бровей. Они перешли на шаг. Таргитай дышал тяжело, Олег терпел молча, только грудь вздымалась, обереги на шее трепыхались и стучали.

Мрак предположил:

– Видать, у кудов молоко сбежало.

– Кабана смалют, – сказал Таргитай наивно.

– Люди, плуйте на него! Забыл, у них нет кабанов. Только лягухи с быков.

– А молоко откуда?

– Лягух доят. Ты молоко пил?

Таргитай брезгливо отплюнулся. Олег оставался напряженным и озабоченным. Огонь не может идти сам по себе: камни не горят. Явное колдовство, а сути не видать. Хуже того, даже не улавливает магии.

– Пусть горит, – сказал Мрак. – Обойти-то делов!

Шаги замедлились поневоле. Жар был таким неистовым, что все трое выставили перед собой ладони, закрывая лица.

Огонь взметнулся выше. В пляшущих языках пламени проступило быстро меняющееся лицо... нет, даже не лицо, но что-то живое, ужасное. Люди ощутили на себе тяжелый взгляд, полный нечеловеческой злобы. Из огня донесся щелкающий голос:

– Дети воды... Ненавижу!

Пламя взметнулось стеной – ревущее, разбрасывающее раскаленные камни. Иные вылетали разжаренные добела, рассекали багровую стену, похожие на иглы на спине чудовищного зверя. Жар пахнул так, что люди отшатнулись. Волосы затрещали от жара.

Мрак пятился, закрываясь ладонями.

– Да и мы тебя не жалеем... Кто бы ты ни была, ты – губительница Леса.

– Ненавижу, – повторил голос, крепчая с каждым мгновением. – Всю плесень выжечь...

Вы – сырость...

– Да кто ты?! – рявкнул Мрак люто. – На Велеса, нашего бога, не больно похожа!

Олег уже отбежал дальше всех, заорал:

– Мрак, скорее уходи! Это сама Табити!

Мрак отступал шаг за шагом. От жара затрещала душегрейка, запахло паленым волосом. Сквозь растопыренные пальцы видел враждебную всему живому богиню подземного огня. Ей поклонялись киммеры, приносили кровавые жертвы все кочевые народы. Апию, кроткую богиню плодородной земли, свирепую попирали копытами, втоптывали, превращая в камень. Лишь одно племя чтит Апию, крохотное племя полян, почти стертые с лица земли свирепыми киммерами...

Оглянувшись, увидел потемневшее лицо Таргитая. Снежана, Зарина, кроткий Степан, их муки в руках свирепых степняков... Всех принесли в жертву этой свирепой богине.

– Ты не наша, – сказал он зло.

– Я... свирепая... могучая!

Мрак, отступив на десяток шагов – там жар еще можно было терпеть, – смотрел оценивающе. Свирепая богиня всемогуща, но только в своем царстве. Другие боги тоже всемогущи... Табити может прорваться сквозь землю кипящей лавой, может испарить ручей, но могучие воды реки Даны поглотят ее без следа!

Всяк бог, как кулик, сидит в своем болоте. Дана кого хошь побьет в воде, Велес неодолим в Лесу да Степи, сыны Стрибога гоняют тучи, а эта кровожадная сильна лишь в своих подземных пещерах. Может прорваться огненным столбом наверх, но этим рассердит кроткую, всеми обижаемую, но очень сильную богиню Апию, которую поляне ставят выше всех богов и кличут Ма-Дивией, Матерью сырой землей...

– Пошли в обход. – Голос Олега дрожал, он часто-часто облизывал пересохшие губы, пятился дальше всех. – Лбом горы не прошибешь. А прошибешь – все одно дураком назовут.

– Даже волхва?

– Мрак, недостойное это дело – с каждым зверем или рыбой по дороге спорить. Хоть тебе чешется... А она ж не лучше зверя или, скажем, лесного пожара. Только сильнее.

Мрак ругнулся, но делать нечего – пошли в обход. Держались шагов за сотню от трещины, ближе жар не пускал. Олег наконец сообразил, почему ветер так упорно дует им в спины, а теперь в бок. Он стремится к огню, а там его взметывает жаром к тучам. Он сам, когда обращался в зубатую птаку, на потоках такого воздуха без усилий поднимался в такую высь...

Из-под земли в снопах огня и черного дыма вылетали раскаленные камни. Земля гудела и тряслась. Невры прошли версты две, прежде чем трещины сузились. Наконец, огонь исчез, а черный дым стал реже. Ущелье превратилось в узкую трещину, края начали сходиться, но, прежде чем сомкнулись, дым истончился и пропал.

Земля еще изредка вздрагивала, но тряска и гул остались позади. Таргитай оглядывался на столб огня и дыма, глаза же Олега и Мрака были устремлены вперед. Там клубилась пыль, а все неизвестное грозило бедой.

Все, подумал Олег горько. Лес, Степь, Горы, Пески... Как вообще опасна жизнь. Если жить, а не прятаться от нее.

Глава 4

Впереди была схватка. Целый отряд вооруженных оборванцев окружил в россыпи камней старика в пестром халате, женщину и троих слуг. Слуги и даже женщина умело отбивались ножами и мечами. Старик прятался за их спинами, торопливо чертил в воздухе знаки. Нападающие мешали друг другу, теснились, толкались, трое передних уже были ранены, один упал на колени, закрывая окровавленными руками голову.

Мрак оскалил зубы, медленно и с удовольствием потащил из ременной петли секиру. Олег хотел было сказать, что это не их дело, что если ввязываться во все схватки... но посмотрел на оборотня, на Таргитая, вздохнул и крепче сжал Посох Мощи.

Сердце Таргитая бухало часто и сильно. Горячая кровь побежала по жилам, вздувая мышцы, наливая тело свирепой силой. Грудь раздвинулась, недобрая мощь заполнила тело. Из горла вырвался хриплый клекот.

Нападавшие – их было около двух десятков – оглянулись, быстро и умело закрылись щитами, выставили мечи и копья. Все-таки они выглядели настоящими воинами, умелыми, уверенными. Бывшие солдаты, дезертиры или же отряд, посланный с тайной миссией?

Таргитай воздел Меч, дыхание пошло чаще, прерывистее. Как смели напасть вооруженные мужчины на старика и женщину?! Их надо бить, крушить, повергать на землю. Острое лезвие должно рассекать их на куски. Их кровь должна залить землю, а вопли ужаса достигнуть вирия и усладить прашуров невров.

Сам Таргитай сделал только первый шаг, дальше подхватила и понесла странная, но уже знакомая мощь. Радостная, святая, зверино-ликующая. Он с легкостью рассек первого же, стоптал другого, сердце бухало часто и сильно. На него плеснуло горячим, но он только крепче сжал рукоять – пальцы будут скользить по крови.

Рядом дрался, как разъяренный тур, Мрак: крушил, истреблял, рубил с такой мощью, что несчастные распадались под его звериными ударами пополам. Глаза были безумные, на губах повисла желтая пена. Он ревел страшным голосом, в котором не было ничего человеческого. Руки были забрызганы кровью, тяжелые красные капли упали ему на губы. Таргитай успел заметить, как оборотень жадно слизал брызнувшую на лицо кровь.

Олег шел следом, осторожно переступал через убитых и раненых. Он лишь отражал удары Посохом, все видел и все замечал. Пот начал заливать глаза, он смахнул со лба раз-другой, сердце от жары и криков начало биться чаще. Вдруг из глубин поднялась горячая волна, ударила в голову. Тело налилось неведомой радостной мощью. Он распахнул на груди душегрейку: мужчина не боится выставить голую грудь против доспехов!

Из горла вырвался крик. Посох как боевая дубина словно сам по себе взметнулся над головой. Олег прыгнул в самую гущу, почти опередив Мрака, ударил, сбил на землю, сбил другого. Мышцы пели от счастья, он чувствовал себя яростной молнией, в теле поселилась неведомая мощь.

По голове ударили сзади. Отмахнулся, услышал хруст и сдавленный крик. Ударили справа и слева, он пришел в ярость: мужчины должны драться лицом к лицу! Руки сами сорвали душегрейку: жарко, да и достойнее так. Сразу видно, кто мужчина, а кто лишь носит портки. К тому же коричневые сзади.

– Олег! – донесся сбоку крик Мрака. – Ты чо, озверел?

– Иду! – заорал он в ответ.

Торопясь, сокрушил еще двоих, третьему страшным ударом разбил голову. Он чувствовал себя огромным страшным зверем: бил, крушил, а эти подлые и трусливые были в его власти. В теле плясала свирепая радость. В двух шагах блистал Мечом Таргитай: глаза выпучены, пена на губах, на лице неистовое, просто телесное счастье, словно в высший миг обладания

женщиной, который длится и длится, и в его власти продлить, надо лишь крушить, повергать на землю, слышать треск разбиваемых голов, видеть, как твои руки убивают, уничтожают, тем самым поднимая над ними тебя – великого, могучего, самого лучшего!..

Но я же человек, сказала что-то глубоко в мозгу, беспощадное и трезвое. В нем пробудилась свирепая радость воина, простого, как эти камни, но все-таки он волхв, в первую очередь мыслящий волхв...

Когда нападавших осталось пятеро, те бросились бежать. Таргитай на ходу срубил одного, дурак налетел сослепу, а Мрак с грозным ревом воздел над головой секиру:

– Трусливые твари!.. Вернитесь и сражайтесь, как мужчины!

Весь забрызганный кровью, даже волосы слиплись и торчат, как у ежа, он был страшен и красив. Секира от рукояти до кончика лезвия стала красной. Глаза оборотня горели желтым огнем лесного зверя. Грудь вздымалась как волны северного моря.

Таргитай лихо вытер Меч, хотя надобности не было – тот выпивал кровь без остатка, со стуком бросил в ножны. Его синие глаза не отрывались от женщины. Она тоже дышала часто, тонкая ткань на груди распахнулась, но женщина видела только троих могучих варваров, так неожиданно оказавшихся рядом. Ее темные, чуть раскосые глаза с изумлением смотрели на синеглазого чужака в волчьей шкуре. Пальцы ее все еще сжимали тонкий, как ореховый прут, клинок.

Мрак оскалил зубы:

– Вовремя мы, ребята?

Старик с трудом поднялся. Лицо и даже волосы перепачкались в пыли. Он суетливо отряхивался, руки дрожали, морщинистое, как печеное яблоко, лицо дергалось, но все же пришел в себя быстро, с достоинством поклонился. Седые кустистые брови нависали так, что глаз не было видно, но Мрак чувствовал, что следят за каждым его движением.

– Мы бесконечно... бесконечно благодарны вам, северные люди.

– Да пустяки, – застенчиво отмахнулся Таргитай. – Только и делов, что свору отогнать...

Старик поклонился снова:

– Мы слышали, что в сказочной Гиперборее живут гиганты, но не думали, что такие...

– Да, мы там всякие.

Женщина и уцелевший слуга поклонились тоже. Женщина была молода и хороша собой. Олег, привыкший все подмечать, смутно удивился, что за время странствий им почти не встретились некрасивые женщины или красивые враги.

Олег, уже стыдясь своего воинского порыва, вклинился в разговор:

– Почему они напали?

– Просто напали, – ответил старик грустно. – Мир таков, что где нет железной руки властителя, там властвует разбой. Я местный маг... старый, но не очень могучий. Моя сила не в магии...

По лицу Таргитая было видно, что певец разочарован. Если бы старик оказался королем в изгнании, молодая женщина – принцессой... или нет, старик чтобы был заколдованным магом немыслимой мощи, а в благодарность за спасение... гм... нет, чтобы женщина в благодарность...

Олег сказал с жадностью:

– Я сам волхв-травник... маг-лекарь, по-вашему. Я понимаю тебя. Говори!

– Я занимался ведарством...

Мрак уже выворачивал карманы сраженных, вытряхивал мешки. Женщина торопливо хлопотала среди раненых. Олег чувствовал ее любопытные взгляды, потом как-то само собой ее черные, как ягоды терна, глаза повернулись к Таргिताю и уже не отрывались от дударя.

Таргитай вытащил сопилку. После сражения остро захотелось поиграть. Словно бы мог очиститься, как Мрак очищал себя горячим песком за неимением воды.

– Ведарством, – услышал он озадаченный голос волхва, – что это?.. Слышал о нем однажды...

– Та магия, которая была... до магии.

Вечером Мрак прибил огромную ящерицу. Длиннее козы, страшная, она перепугала Олега до икотки, когда подошла, любопытствуя, к костру. Мрак тут же швырнул в нее камнем. Попал удачно, ящерица упала замертво. Почти замертво, так как ожила, когда Мрак почти заканчивал снимать шкуру. Вырвалась, забегала, Мрак погнался за ней. Волхв успел ухватить и, сердясь за испуг, удавил голыми руками.

Вечером сидели у костра. Мясо ящерицы оказалось нежным, как у рыбы, даже чуточку пахло тинной, хотя в жарких песках вода могла только померещиться. Мрак с удовольствием разгрызал полые кости, шумно выдувал костный мозг. С одной костью промучился долго, выбивая мозг, пока не стукнул ею Таргитая в лоб.

Олег съел печень, жевал медленно, прислушивался к ощущениям. Сказали бы раньше, что будет есть большую жабу – а ящерица просто вытянутая жаба, – плюнул бы в глаза. Но ест, не жалуется. Таргитай показывал молодой женщине, как играть на дуде, Мрак отдал сапоги слуге на починку, а Олег жадно впитывал неторопливый говор старого волхва.

– Не знаю, зачем тебе, такому молодому и полному сил... признавать такое... Это мне, я уже одной ногой там, внизу... Ты мог слышать, что в старину хоронили только в скрюченной позе. Подвязывали руки и ноги, если надо – подрезали сухожилия. В могиле клали так, будто лежит в утробе матери. Посыпали охрой, что по нашим магическим обрядам являет собой кровь. Все для того, чтобы облегчить новое рождение...

– Так было и у нас, – прошептал Олег.

– И человек рождался на земле снова... В звере, птице, рыбе... Снова в человеке. Шел круговорот душ в природе, все понимали звериную речь, все были с природой едины... Если охотник убивал зверя, то просил прощения...

– И у нас! Мы только вчера об этом говорили.

– Но ничего не бывает хорошим полностью. Кто жил в Лесу, тот другой жизни не знал. Но вышли в Степь, увидели мир бескрайним... Увидели, как солнце совершает свой путь по небу... Всегда с востока на запад! И дознались, что ночью солнце совершает путь обратно. Уже под землей. И тогда мудрецы решили, что человек должен оставаться человеком и после смерти... Для этого его нужно хоронить распрямым!

Олег помолчал, сказал нерешительно:

– Вроде бы лучше человеком...

– Остаться человеком – никогда не увидеть нашего мира. Не бегать по лесу, не плескаться в реке, не прыгать по деревьям. Никогда не видеть солнечного мира, никогда! Кто попадает в подземный мир, не возвращается.

– Тогда как же лучше?

– Каждый выбирает свое, – сказал старик неожиданно жестко. – Пока что выбирает. И для всех последующих поколений выбирает. Сшиблись две могучие силы. Старые боги требуют круговорота душ в природе, новые хотят закрепить человека в человеке. Взгляни!

Олег осторожно взял в руки глиняный сосуд. Старик называет его лицевой урной. Когда умрет, его сожгут и сюда засыплют прах. Гончар не просто сделал урну, а очень точно вылепил лицо старого ведара. Боги судьбы уже не пустят душу в зверя или птицу, а вернут человеческий облик и ввергнут в мрачное подземное царство... или забросят в солнечный мир вирия!

Олег с холодком страха подумал, что так и не знает, что же лучше – остаться наслаждаться жизнью и после смерти в этом прекрасном мире, но надеть звериную шкуру и лишиться людей, или же остаться человеком, но рискнуть навеки уйти в мрачный подземный мир?

Я не решил, сказал себе горько, но люди понятно как решат. Если есть возможность, хоть малая, что можно попасть в вирий... Люди рождаются с жаждой риска.

По настоянию старика убитых разбойников и двух его слуг похоронили вместе. Все они дети одного бога, объяснил он. И послушные, и драчливые, и умные, и некрасивые...

Погребальный костер негры сложили из дуба – в соседней роще деревья на подбор, а чего жалеть, если лес чужой? Да и вообще, дуб – дерево мужчин, как береза – дерево молодых женщин. Поверх погребальной крады постелили цветной ковер, разложили украшения погибших. На грудь павшим воинам положили щиты, в ноги – колчаны со стрелами, луки. Мрак позарился было на один, но проверил тетиву, скривился, оставил в пользу подземного бога. Олег, чуткий к обрядам, отметил, что в головах поставили берестяные и глиняные чаши с медом, горшки. В горшках гречка, просо, рожь. На пальцы надели кольца, в том числе и серебряные с камешками. Одели пышнее, чем одевались при жизни. Даже сапоги сменили на новые, хотя до этого были в растоптанных и пыльных от дальних дорог.

Старик сам поднес факел к политым маслом бревнам. Пламя вспыхнуло сразу – жаркое, красное. Взметнулся черный дым, скрыл от глаз убитых. Негры попятнулись от жара, Таргитай закрывался ладошками.

Олег спросил с неловкостью:

– Я дурак, конечно... Но так и не понял, зачем кладем в могилу... или сжигаем, не важно, оружие, рыбацкую сеть, еду, украшения, наконец? Мертвому ни к чему, а живым могли бы сгодиться.

Старик смотрел пристально, с удивлением.

– Ты мудр... Сам не понимаешь, но ты мудр. Целые поколения магов не доискиваются, что и почему. Им важен результат. Сказал заклятие – гора сдвинулась. А вот почему... Не многие знают сокровенные тайны, которые нельзя разглашать непосвященным. Но ты – особый волхв.

Олег смотрел жадно. Старик дряхл, вряд ли за остаток жизни встретит, если верить ему, такого же любопытствующего. Сам готов открыть тайны волхвов!

– Люди были зверьем, – сказал старик медленно. – Мужчины были медведями, женщины – обезьянами... Не веришь? Проследи за их повадками. И сейчас жаждут вернуться, зверьем жить легче. Единственный способ удержать в человеческой личине – заставить трудиться. Но человек уже силен, он может потрудиться утро, а день лежать в праздности, снова превращаясь в животное. Вот и придумано, чтобы нарочито держать в работе... Мы создали обряд, чтобы мертвому класть все его имущество. То есть уничтожать, чтобы делали снова. Простым людям нельзя знать такие тайны! Работать никто не захочет. Тем более зря, как они сочтут. Мы-то знаем, что не зря! Новое оружие, посуду, снаряжение делают лучше, добавляют что-то еще. И человек все время трудится, не озверевает, и польза для общества...

Олег сказал пораженно:

– Понятно... Конечно, такое надо хранить в тайне... даже не знаю какой великой... Это я урод: мне мало, чтобы получалось, хочу знать, как получается... Я могу трудиться гораздо больше, чем надобно.

– Я такой же урод. – Глаза старика стали сочувствующими. – Но мне уже немного топтать эту землю... А тебе суждено надолго стать паршивой овцой...

– А что делать? Быть как все?

– Да, так легче.

Олег покачал головой:

– Не знаю... У меня нет ни мужества, ни бесстрашия, как у моих друзей. Но мне мало лишь пользоваться заклинаниями. Мне надо уметь их составлять.

Наутро простились со старым грустным магом. Женщина долго не могла оторваться от Таргитая, глаза покраснели, а по щекам бежали слезы. Олег шевелил губами, укладывал в памяти рассказы старого мага. У него тоже глаза были красные – слушал ночь напролет.

Но Мрак в рассветных лучах уже видел Город. Тот самый, что единственный. Который первый, самый-самый... Вечный и неуязвимый.

Город выросал, приближался. Как тугим поясом был окружен высокой стеной из белого камня. Исполинские башни, дворцы, высокие дома теснились так, что едва не переваливались через крепостную стену. Уже видны были распахнутые ворота.

Олег чувствовал, как будто у него из ног вынули кости. Они еще за версту, а стены и башни уже как отвесные горы. Неужто это строили люди? Или боги для себя, а люди поселились позже?

Рядом часто дышал Таргитай. Даже Мрак выглядел потрясенным. Недавно их потрясло размерами село полян в два десятка хат, потом ахнули при виде башни Мардуха... Но здесь целый город исполинских башен из белого камня, дворцы и подвесные мосты, острые шпили!

А еще дальше, за Городом, едва видимые отсюда, вздымаются пологие горы оранжевого песка. Они зловеще блестят красным под заходящим солнцем. Ровные, чем-то неуловимым напомнили Таргитаю снежные заносы в родном Лесу.

Олег тащился так, словно волок на ногах пудовые вериги. Лицо волхва было мрачнее грозовой тучи. Мрак шел хмурый, как обычно, может, чуть обычнее. Проворчал:

– Не бери в голову! А бери, как говорят на Востоке... За всех разве страдаешься?

Олег огрызнулся:

– Я не Таргитай, чтобы за всех. Сколько здесь мудрости накоплено, подумай! Это же особый Город. Это мать всех городов на свете!

– Умного на свете много, хорошего мало. Этих матерей еще много будет...

– Хорошее надо искать среди умного. Эх...

Таргитай озадаченно смотрел на обоих:

– Вас на Змее укачало? Совсем непонятные стали.

Городская стена поднималась в три-четыре человеческих роста. Гордые башни вздымались вовсе к небу. Между ними часто тянулись ажурные переходы. Теперь уже и Таргитай видел, что белую стену пересекают трещины. Она осела, год-два – и рухнет под собственной тяжестью. Белые-белые башни, дворцы и даже городская стена уже не казались высеченными из мела. Таргитай, содрогаясь, пытался отогнать видение огромных костей, давно выбеленных зноем и ветром.

– Олег! – завопил он в тревожном предчувствии. – Что с Городом?

Мрак покачал головой:

– Потому Дана и велела поспешить?

– Потому, – ответил Олег.

– Гм... Мы-то хоть успеем?

– Мрак, что для богини наши жизни? Дни.

Глава 5

У самых ворот в тени отдыхали трое стражей. При виде чужаков никто не шелохнулся. Похоже, здесь повидали даже таких лохматых и в звериных шкурах. А если и не видали, то были готовы повидать всякое. Даже золотые волосы Таргитая и красные, как огонь, Олега вызвали только мимолетные взгляды. Один, грузный и в доспехах на голое тело, смерил прищельцев недружелюбным взглядом:

– Эй, лохматые!.. К кому и по какому делу?

Мрак и Таргитай выжидающе смотрели на Олега. Волхв вскинул руку в приветствии:

– По всему свету идет слава о Вечном Городе! Мы прибыли с дальнего Севера увидеть его красу и славу. Старые пророчества глаголют, что боги его возьмут к себе...

– Со скотом и курами, – вставил Мрак: ему хотелось помочь волхву.

– Этот час близок, – сказал Олег, – спешим успеть...

Угрюмые лица чуть посветлели. Старший страж ворот с победным видом оглянулся на друзей:

– Что я говорил? А вы – пески, пески!.. С людьми и скотом, ясно?.. Даже с курами. Эй, почтенные! Проходите без пошщины. Добро пожаловать в Вечный Город.

Створки ворот, как заметил, проходя, Таргитай, вросли в землю. Их не закрывали уже годы. За спиной послышался раздумчивый голос другого стража:

– Ну, с другой стороны... ежели строили, то должны и взять...

Город внутри городской стены раскрылся такой красивый, что у Таргитая защемило сердце. словно бы сотни поколений только и занимались, что строили, достраивали и украшали Город, который в конце концов начали называть Вечным. Тихонько дернул Олега за руку:

– А почему он должен погибнуть? Если вечный?

– Не все вечное, как видишь... Даже если именуют так.

– Но боги...

– Не знаю, Тарх.

– А как он обречен?

– Ты видел, что за Городом с той стороны?

– А чего? Песков я не навидался? Такие точно в пустыне, где мы были. Это где ты бил магов, как лягушек.

– Ну, вот ты и ответил.

Таргитай хлопал глазами, ответа все еще не видел. Густые вечерние тени падали от домов и дворцов, только крыши еще горели под закатными лучами.

– Жаль, – сказал он наконец с наивным сожалением, – такой красивый... И вообще этот Вечный Город мне нравится... Он совсем как наша деревня.

– Чем же? – удивился Мрак.

– Тоже люди живут.

Дома по обе стороны широкой улицы вздымались как отвесные горы. Камень в стенах был стар, надежен, а улицы, на удивление, были вымощены широкими плитами серого камня. Серыми, в выбоинах, в трещинах. Окна поднимались на четыре, а то и пять поверхов. От нагретых солнцем стен шел теплый воздух. Воздух был полон запахами кухонь, свежее испеченного хлеба.

Народ почти не попадался, но дальше люди стали встречаться чаще, явно шли, как предположил Олег, к храмам или капищам.

– Или к корчме, – буркнул Мрак.

– Мрак...

– А что? Мы ж мудреца ищем? Так где ж его еще искать? Ладно-ладно, не блистай глазами, а то, не ровен час, молнию метнешь, полгорода спалишь... К тому же в корчме всегда все знают. Туда стекаются люди разные, а вино развязывает самые тугие языки. Да и поесть не мешает. Ты вот худой, как вобла, ребра просвечивают! А я горло промочу, больно пыльно...

– Жарко, – пожаловался Таргитай.

– Вот видишь, и Тарх в корчму рвется...

Таргитай ухнул в глубокую щель прямо посреди дороги, занесенную пылью, расчихался, вылез злой и весь белый, как в муке. Легкая пыль покрывала город, заполняла щели, ямы и даже провалы между домами.

– Какая корчма, – сказал Олег тоскливо. – Мрак, здесь другой мир! Другие люди, другие обычаи...

– Мир без корчмы? – не поверил Мрак. – До этого даже Род не додумается. Ее только кличут везде по-разному, а есть везде, где люди. А люди везде, где муравьи...

– Муравьи тоже разные, – вмешался Таргитай. – В прошлый раз меня всего искусили, а за что? Я им ничо не сделал! Только мурашник палкой разбросал, так им веселее бегать...

Какой-то человек, с ног до головы в зеленом, торопливо схватил Олега за локоть, заискивающе спросил что-то. Мрак прошел дальше, любопытный Таргитай остановился послушать обоих. Когда обрадованный человек в зеленом ушел, Таргитай вытаращил на Олега непонимающие глаза.

– Ты так подробно рассказывал, как пройти к базару... Откуда знаешь? Неужто в умных книгах прочел?

Олег недовольно засопел. Мрак хохотнул:

– А чего ты решил, будто он знает?

– Но как же...

– А он вежливый, понял? Никого не может оставить без помощи. Как волхв-лекарь.

– У меня выздоравливают, – огрызнулся Олег.

– Этот тоже найдет дорогу. Вот только куда... Ха-ха!

Таргитай обескураженно смотрел то на одного, то на другого:

– Все равно не понимаю... Оба вы такие умные!

В узкой улочке от дома к дому на высоте, чтобы мог проехать всадник, были протянуты веревки. Сушилось белье, цветные тряпки. Редкие прохожие двигались неспешно, разморенные дневным зноем. Впереди посреди улицы трое погонщиков безуспешно пытались стащить с места запряженного верблюда.

Наконец животное, устав бороться, в отместку шумно опорожнило кишечник, забрызгав сразу двоих, и с довольным видом двинулось дальше. Погонщики с руганью чистились, зажимали носы: вонь стояла невыносимая. Огромная зеленая лужа перегородила улицу, к ней сразу начали слетаться крупные жирные мухи.

В раскрытую дверь робко выглянул нарядно одетый горожанин. Ступенька и часть стены были забрызганы зелеными потеками. Горожанин отшатнулся, зажал нос.

В доме напротив в дверную щель высунулся острый нос.

– Панько!.. Пойдем в храм Великой Талахи, помолимся?

Горожанин простонал:

– Не видишь? Теперь мне не выйти до конца дней!

Сосед сочувственно покачал головой:

– Грязь... За что мы налоги платим? Тогда в журку?

Горожанин опасливо измерил взглядом лужу.

– Ну, разве что по самому краешку...

Мрак бодро ткнул Олега:

– Вишь? Везде люди как люди. Пойдем за ним. К храму ходят дальними дорогами, а к корчме...

– Мрак, – сказал Олег с отвращением, – какая корчма? Он же позвал в журку!

– А тот так бы и полез через лужу, если журка – не корчма по-ихнему! Эх, Олег, мудрые вещи с лета хватаешь, а с простыми хоть кол на голове теши, хоть орехи коли, хоть секиру оstri...

Сумерки быстро опускались на Город. В окнах зажигались светильники, а тьма в углах и закоулках стала вовсе непроглядной. Олег чувствовал, как за ними наблюдают злобные глаза, суетливо оглядывался, но желтые огоньки быстро гасли. Лишь краем глаза замечал едва заметное движение.

Мрак сказал безглаголиво:

– Опять чувствуешь? Что ты за человек, Олег?

– Мое чутье уже спасало нам шкуры, – огрызнулся Олег.

– Ну и что? Чем всю жизнь трястись, лучше раз-другой получить неожиданную трепку. Ты знаешь, кто самый сильный на всем белом свете?.. Думаю, это Павка.

– Дядя Павка? – вмешался любознательный Таргитай. – Так он же и мухи не обидит!

– В том все и дело. Он до того трясется за свою шкуру, что дни и ночи в лесу, готовит себя к защите. Таскает камни, бревна, швыряется ими, прыгает, бьет головой и ногами, локтями, кусается, плюется... Он до того боится быть побитым, что готовится сразу же сразить обидчика. Чтобы тот и пальцем не успел его тронуть! Еще не понял? Мужчина не боится быть когда-то побитым. Сегодня его, завтра – он. Главное для человека – драться до конца. Заставить себя подняться и драться снова.

Олег отвел глаза. Одно дело понимать Мрака, другое – принимать. Люди разные. Что хорошо для коня, для мыши – смерть.

Все чаще встречались горожане, идущие в одну сторону. Одетые нарядно, смеялись, шутили, словно бы их Вечный Город не исчезнет вот-вот под горами песка. Многие с детьми.

– Сосед, ты пойдешь на похороны визиря?

– С какой стати? Он же на мои не придет.

Улица вывела на широкую площадь, уже заполненную народом. В центре площади высокий помост, из середины торчало сухое ошкуренное бревно.

Трое могучего сложения мужчин, все в красном, привязывают к бревну молодую женщину. Длинные золотые волосы, такие непривычные в краю черноволосых, распущены, закрывая лицо. Порыв ветерка отбросил прядь, мелькнуло милое девичье лицо. Зоркие глаза Мрака разглядели дорожки слез.

Народ толпится празднично одетый, возбужденный. Зеваки проталкиваются поближе к помосту. Продавцы сладостей наперебой снуют с корзинами и кувшинами шербета. На плечах взрослых счастливо верещат дети.

– Что здесь? – полюбопытствовал Мрак.

Лишь один бросил не поворачиваясь:

– Откуда такие берутся? Невесту Маржелю провожаем.

– Это понятно, – возразил Мрак. – Кому ж еще, как не Маржелю? Только почему так поздно? У нас он лучших баб имеет по весне. А к осени даже лоси выдыхаются. А Маржель не лось...

– Откуда ты знаешь? – пробормотал Олег. – Тоже мне богослов...

– Это осенняя невеста, – проворчал горожанин с великим презрением к невежеству варвара. – Весной он дюжину получил! У нас богатый Город.

– А-а, – протянул Мрак. – И все чужие, как эта?

– Своих тоже дали, не обидели.

Могучий варвар раздвигал толпу, как массивная льдина мелкую шугу. Все смотрят на помост жадно, весело, тыкали пальцами. Привязав женщину туго спиной к столбу, отчего ее высокая грудь натянула тонкую белую ткань, трое в красном деловито укладывали вязанки дров. Всего до колен: иначе рассмотреть не удастся, да и огонь закончит все слишком быстро.

– Не отставать, – велел Мрак. – Пока здесь щелкают хлебалами, мы в корчме лучшее вино закажем и лучшие столы займем.

Олег покачал головой:

– Можно подумать, что хозяин корчмы, или журки, как ее там, не торчит тоже здесь!

– Да-а, – признал Мрак, – вот что значит волхв. Завсегда вперед глядишь.

Таргитай тащился, как коза на веревке, глупо глазел по сторонам. В толпе подбадривающе орали: трое на помосте наперебой лупили кремнями по огниву.

– Таргитай, – предостерегающее рявкнул Мрак, – не отставай!

Таргитай стряхнул оцепенение, шагнул за друзьями, опять застрял в толпе. На помосте один, наконец, заорал торжествующе, упал на четвереньки. Сосед разочарованно отшвырнул пучок сухого мха. Третий еще яростнее заколотил по камню, полетели снопы искр, тоже упал и принялся раздувать огонь.

Мрак и Олег упорно раздвигали толпу, уже миновали помост и вышли на другой конец площади. Олег облегченно вздохнул: не любил много незнакомых так близко.

– Фу... Почему от них так перцем несет? А где дудошник?

Мрак рассерженно огляделся:

– Отстал? Такая овца вовсе потеряться может.

– Вряд ли. Разве что на баб клюнул?

– Да, он ни одной юбки не пропустит...

Мрак ругнулся сквозь зубы, ринулся обратно. Народ расступался, как кустарник, сквозь который ломится лось. Олег, чуя недоброе, заспешил следом. Посох разогрелся под судорожно сжатыми пальцами, покалывал ладонь.

Первый в красном на помосте уже разжег факел. Красные искры с треском полетели в толпу. Там радостно орали, подбадривали. Девушка гордо вскинула голову. В широко расставленных глазах метнулся страх, но не дергалась, смотрела прямо.

– Не надо! – закричал Таргитай. – Не надо!

Растолкав в переднем ряду, он вскочил на помост. Трое опешили, а Таргитай голыми руками разбрасывал дымящиеся поленья, швырял в толпу. Там возмущенно орали. Таргитая ухватили за плечи. Он крутнулся – двоих смело с помоста с зажатыми в кулаках ключьями волчьей шерсти. Третий отпрыгнул, глаза вылезали из орбит.

– Ты кто? Ты... чего?

– Она... красивая, – ответил Таргитай, задыхаясь.

Веревка не поддавалась рывку, он выхватил нож, и девушка освобожденно упала ему на руки. В огромных благодарных глазах были страх и недоверие. Она поспешно стряхивала веревки.

В толпе орали, появились люди с оружием. Таргитай встретил первого толчком в грудь, но сзади напрыгнули двое. Он раскрутился, зашвырнул далеко с помоста. Теперь уже лезли со всех сторон. Он зашатался под градом ударов. Били кулаками, ногами, тащили к краю, пытаясь сбросить с помоста. Таргитай сопротивлялся отчаянно: внизу просто затопчут. Девушка с криком отшвырнула одного, другогохватила острыми, как у зверька, зубами. Тот взвыл и выпустил Таргитая, а Таргитай, в свою очередь, вырвал ее из лап добровольных помощников.

Он взревел, ощутив наконец злость, начал локтями и кулаками бить во все стороны. В ушах звенели крики, на губах кровь. Его били по голове, плечам, хватали за руки.

В какой-то миг его подтащили к краю, но сзади хрястнуло, раздался дикий крик. Запахло свежей смолой. Он ощутил, что может перевести дух. Человек в красном свалился мешком, а девушка с размаху ударила поленом второго.

– Спа...сибо, – прохрипел Таргитай.

– Ты кто? – вскрикнула она. Голос ее был тонкий и нежный, но в нем чувствовалась и сила.

– Потом, – ответил Таргитай сипло.

Он сбил двух, пытавшихся взобраться, а невеста Маржеля сильным ударом полена снесла с помоста широкоплечего воина: тот вскарабкался сзади и пытался ударить Таргिता в спину.

В толпе орали. Кто возмущенно – оскорбился за веками освященный ритуал, а кто лишь улюлюкал и подбадривал драку: всегда приятно, когда бьют не тебя, а другого. Из здания на той стороне выбежали похожие, как зерна гороха, воины. Все в доспехах, с короткими мечами, у каждого круглый легкий щит на левой руке.

Удерживаться на помосте становилось труднее. Его толкали, били, тащили, в голове стоят звон и шум крови, но в последний миг услышал знакомый рев. Руки, сжимающие горло, исчезли.

Таргитай стоял на коленях, дышал как загнанный конь. Кровь заливала глаза. Толпа бесновалась, люди с мечами проталкивались к помосту, у многих в руках появились луки.

Девушка держала над головой суковатое полено. На щеке кровь, сквозь прорехи изорванной в клочья рубашки блистало ослепительной чистотой нежное тело. Золотые волосы победно развевались. Она тоже тяжело дышала, крупная грудь ходила ходуном, едва не прорывая рубашку. Мрак, озверелый и настороженный, по-волчьи двигался по самому краю помоста, готовый разбить голову всякому, кто осмелится приблизиться. Олег сбросил последнего, в красной рубашке, заорал, перекрывая шум:

– Послушайте!... Да послушайте же!

Шум начал стихать, но лучники окружили помост, вскинули луки. В толпе из особо нарядных горожан выделился один с белыми, как лунь, волосами.

– Кто такие? Пошто нарушаете наш праздник?

Мрак открыл рот для ответа, но Олег опередил:

– Мы странники. Идем через ваш город. Мы только-только зашли! Мы не собираемся вмешиваться в ваши обычаи. Мы их просто не знаем еще.

Старейшина оглянулся на своих. Двое кивнули:

– Еще днем их в городе не было.

Старейшина, или местный князь, хмыкнул:

– А чего ищете?

– Пришли поклониться славе Вечного Города! Все, что нам нужно, – это кров на ночь-две. И еда. Мы заплатим.

– Тогда почему...

– По невежеству! – бросил Олег негодующее. – По дурости! У вас ведь тоже одни умные, а другие... не совсем? У нас такой этот. Да вы посмотрите сами! Почему не прибили его по дороге сами, ума не приложу.

Таргитай ощутил себя на перекрестье взглядов. На него смотрели старейшины, смотрела вся толпа и, хуже всего, в ожидании смотрела молодая девушка. Жаркая кровь прилила к щекам, залила шею, а уши засветились красным.

– Да, – произнес старик саркастически, – не завидую вам с таким спутником... Скажи, герой на помосте, зачем ты это сделал?

Таргитай открыл и закрыл рот, снова открыл. Кровь текла из разбитого лба, заливала глаз. Во рту привкус, будто жевал железо. Всей кожей чувствовал недоброжелательные взгляды, что переходили в насмешливые, издевательские, а то и вовсе обидно-жалостливые.

– Не знаю, – ответил он наконец, едва шевеля разбитыми губами. – Не знаю...

Раздался смех. Ждали уверток, вранья, хитростей, даже наглых угроз, но не такого чисто-сердечного признания. Старик сказал громче, ярость из грозного голоса уже испарилась:

– Не знаешь, что осенью приносят жертву?

– Знаю. И весной тоже...

В толпе уже откровенно хохотали, указывали на него пальцами.

– Так почему вмешался?

Таргитай ответил убито:

– Не знаю.

Смех стал общий, хохотала вся площадь. Враждебные взгляды сменились покровительственными: на обиженного богами грех обижаться людям. Старик крикнул, неодобрительно посмотрел на Олега:

– Как же даете ему носить меч? Он же себе ноги отрубит. Или еще что похуже.

Олег успокаивающе развел руками:

– Наш дурень даже не знает, как его вынимать. Просто носит. Для украшения. Вы ведь тоже грузите, я сам видел, на длинноухую лошадку всякое-разное? Понятно, ей говорите, что украшает!

Уже по всей площади гремел смех. Сзади негодуяще вскрикнула девушка. Ее стройная фигурка мелькнула на помосте и оказалась рядом с Таргитаем. Полено было в обеих руках.

Олег достал из мешочка последние монеты.

– Мы винимся и готовы заплатить за ущерб. Таргитай, слезай с помоста! Мрак, поторопи дурня.

В толпе расступились уже без страха, с сочувствием. Мрак сдернул дурня с помоста, потащил через площадь. Его даже похлопывали по плечу, утешали. Обиженного богами грех обижать людям.

Таргитай стряхивал кровь, размазывая по лицу. Распухшие, как олады, губы едва шевелились.

– Неправильно... Все равно... неправильно...

– Захлопни пасть, – зло оборвал Мрак.

На удаляющемся помосте Олег торговался с отцами города. Девушку снова прикрутили к столбу. Уже всей толпой собирали разбросанные поленья, гурьбой раздували уголья.

Таргитай в последний раз оглянулся, сгорбился, как ворона под дождем.

– Нельзя так...

– Так устроен мир, – оборвал Мрак. – Ты знаешь, что натворил? Олег тебя убьет. Последние деньги! Теперь ночевать под забором, а на ужин разве что погрызть землю?

Таргитай сразу ощутил сосущую пустоту в желудке. Есть захотелось так, что услышал запахи всех окрестных кухонь.

– Неужто отдаст все? – спросил он тревожно. – У нас денег в обрез.

– Дурость обходится дороже, чем мудрость.

– Но дурней... вроде бы больше...

– Потому и жизнь такая собачья, – оборвал Мрак свирепо.

Таргитай еще пуще размазал кровь, а когда их догнал разъяренный Олег, вовсе захромал, другую ногу подволакивал, загребая пыль. Мрак подставил плечо, Олег метнул разъяренный взгляд, но сжалился, смолчал.

Кровь все еще капала на землю, правую ногу Таргитай тащил как бревно. Прохожие пугливо жались к стенам, один все же спросил сочувствующе:

– Куда вы его? Что с ним хотите сделать?

Мрак зло оскалил зубы:

– Где тут за одного битого двух небитых дают?

Прохожий выпученными глазами долго провожал странных менял. Олег поправил сварливо:

- За одного недобитого!
- А прибитый и недобитый не одно и то же?
- Эх, Мрак... Зря мы вмешались. Эти горожане сразу бы сняли с нас половину забот. Таргитай всхлипнул от жалости к себе:
- Это я заботы? Ну и бросьте меня. Пусть пропаду! Вам же стыдно будет.
- Стыд не дым, глаза не выест, – ответил Мрак хладнокровно.
- А вот выест!

Мрак предложил:

- Олег, давай его прирежем, чтобы не мучился?

Таргитай перестал прихрамывать и постанывать, даже забежал вперед, но теперь даже Олег остыл, лишь бросал по сторонам голодные взгляды. Луна поднялась настолько яркая, блистающая, что ночь в Вечном Городе можно бы спутать с сумрачным днем, если бы не черное как деготь небо с роями крупных и блистающих, как алмазы, звезд.

Густой и теплый, как молоко, воздух был настоян на запахах горящего масла, конского пота и навоза. Когда мимо прошла молодежь с факелами, невры ощутили родной запах горячей смолы. Таргитаю тут же захотелось есть до коликов в животе.

Он виновато повесил голову. Опять друзья страдают из-за его дури!

- Мрак, а тебе никогда не хотелось помечтать о чем-нибудь несбыточном?
- Что?! – рявкнул Мрак раздраженно.
- Я говорю, – заторопился Таргитай, – помечтать о несбыточном, но приятном... к примеру, что бы ты делал, если бы оказался царем этого Города?

Мрак даже отпихнулся, вид у него был такой, что бегом отнесет Таргитая обратно, где того только что вбивали в помост поленьями.

- Нет! Зато подумывал, что сделал бы царь этой страны, окажись на моем месте, да еще с тобой в придачу?

Олег догнал, уже смирился с потерей денег, а Таргитай с ними не первый день.

- Кишка кишке бьет по башке. Пора бы перекусить.
- Давно пора, – сказал Таргитай торопливо. – Я жареного коня бы съел!
- Тарх, на хитрую задницу есть хвост с винтом! Твоего коня едят те, кому Олег отдал наши деньги.

- Молчу как рыба об лед, – сказал Таргитай виновато. – Молчу.

А Олег, показывая, что еще не остыл, фыркнул:

- Мрак, у Тарха на хвост с винтом есть дупа с лабиринтом.

Глава 6

Олег прочел по надписи, что здесь живет меняла. Мрак тут же принялся колотить в дверь. Очень не скоро открылось небольшое окошко в двери, крохотное и перегороденное железными прутьями.

– Чего надо варварам?

– Эй! – сказал Мрак дружелюбно. – Дашь в долг пару золотых монет?

Меняла смерил его недружелюбным взглядом:

– А где гарантия, что отдашь?

– Даю слово честного человека, – бодро отчеканил Мрак.

Меняла захлопнул окошко со словами:

– Ну, тогда приходи с этим честным человеком.

Когда шли темным переулком, Мрак едва не сбил с ног прохожего. Остановил, сказал деловито:

– Если дашь нам пару монет, то спасешь жизнь одному почтенному человеку.

Горожанин с отвращением оглядел варвара:

– Если ты говоришь о себе, то здорово ошибаешься. Варвар никогда не бывает почтенным человеком.

Мрак удивился:

– Я говорю о тебе!

Даже в темноте было видно, как посерел горожанин. Вполголоса клял себя за дурь, что пошел напрямик, можно бы через площадь, а теперь страдай, даже попробовал сказать заискивающе-укоряюще:

– Таким силачам как не совестно? Богатыри, герои, а просите подавание!

– Мы не просим, – пояснил Мрак. – Разве не видишь мечи в наших руках?

Став на две монеты богаче, темных улочек тем не менее стали избегать, вышли на освещенную площадь. Воздух тихий, теплый, а людей, к удивлению невров, не уменьшалось. Олег, любитель до всего доискиваться, предположил, что здесь даже привыкшие к жаре прячутся днем от нещадного солнца, спят, а к вечеру выползают, занимаются делами. В этом мире солнечные боги – злые боги, а добрые – боги и демоны ночи. Здесь славу должны петь луне и звездам, здесь в чести тьма...

Таргитай слушал жадно, он все примерял к своим песням. Мрак осматривался по-волчьи настороженно. Он тоже любил ночь. Ночью все чувства обострены. Запахи слышишь и различаешь за версту.

На краю площади под факелами из ароматного дерева сидели на ковриках двое седобородых. Мрак хотел пройти мимо, но Олег словно за сучок зацепился: старики вели диспут. Один задавал ехидные вопросы, другой искал ответы. Собравшиеся вокруг, по большей части люди степенные, молодежи почти нет, вслушиваются, бросают реплики.

– Идем, идем, – сказал Мрак нетерпеливо. – Что один дурень завяжет, сто мудрецов не развяжут.

– Ладно, Таргитаю и так досталось. Не доставай его, а то на дудке заиграет. Это мудрецы, Мрак!

Мрак неодобрительно смерил взглядом седобородых:

– Что толку от их мудрости?

– Ну... народ, глядя на них, какую-то кроху подхватит.

– А-а... Постой-постой! Мне их диспут начинает нравиться.

Олег непонимающе смотрел на оборотня:

– Тебе?

– Еще как! Они ж на деньги дискутируют, разуй глаза.

Олег наконец заметил столбики монет у ног мудрецов. Один вдвое выше другого. Собравшиеся тоже передавали монеты из рук в руки. Видно, ставили на мудрецов, как на боевых петухов.

– Отвратительно, – сказал он с чувством и дернулся уйти, но крепкая рука Мрака остановила так резко, что у волхва лягнули зубы.

– Куда? Вот и возможность быстро заработать. Победи их в диспуте – все деньги наши!

Олег сказал раздраженно:

– Как все просто! А ежели не победю?

– Ну, не всегда же на коне да на коне. Когда-то и под конем...

– Мрак, что выставишь на кон, кроме штанов? Если проиграем, а это наверняка...

Мрак почесал в затылке, а Таргитай сказал просительно:

– Уйдемте отседова? У меня от умностей голова болит.

Они с Олегом двинулись прочь, а Мрак растолкал толпу:

– Эй, почтенные!

На дюжего варвара оглядывались с неудовольствием. Один похлопал по мохнатой спине, кивнул в сторону журки и барака с гулящими девками. Мрак кивнул, добрый совет ценил, тем не менее сказал настойчиво:

– Нам понравились ваши состязания в мудрости. Мы готовы поратоборствовать с кем угодно.

Раздался дружный смех. На варвара в волчьей шкуре смотрели с удовольствием. Он был слишком велик и силен, как буйвол, значит, и мудрости в его голове не больше, чем у буйвола в копыте.

– Но так как мы люди Леса, – продолжил Мрак, он выпятил грудь и развел плечи, – то будет лишь справедливо, если поставим на кон только одну монету, а вы – десять.

Оба мудреца злобно мерили его взглядами. Один сказал сварливо:

– Не вижу монеты.

Мрак положил секиру в середку круга:

– Она стоит три. Но отдаю за одну.

В толпе вытягивали шеи, секира была чересчур велика для человека. Мудрецы поглядывали один на другого. Среди собравшихся пошли смешки. Один спросил раздраженно:

– Парс, ты возьмешь у меня эту вещь за одну монету?

Из толпы протолкался дюжий мужик в пестром халате. На Мрака зыркнули маленькие хитрые глазки. Руки подхватили секиру, повертели.

– Ну... железо сыроватое...

– Берешь или нет? А то спрошу у Пакута.

– Беру, беру!

Мудрец кивнул Мраку:

– Варвар, задавай свой мудр-р-р-ый вопрос.

Мрак помахал рукой Олегу. Тот покачал головой и попятился еще дальше. Таргитай смотрел жалобными глазами, судорожно глотал слюну. Олег, опомнившись, делал Мраку отчаянные знаки, призывая остановиться.

– Что за птица, – сказал Мрак медленно, – которая кричит по-человечьи, спит по-собачьи, плавает по-жабы, а зимой вмерзает в лед, как рыба?

Даже Олег раскрыл рот, а у Таргитая челюсть отвисла по ремень. Среди собравшихся пошел возбужденный говор. Мудрецы полезли в книги, один спешно послал куда-то мальчишку. Первый мудрец начал было отвечать наугад, но вскоре сдался:

– Не знаю! Бери свои десять монет.

Мрак неспешно сгреб столбик желтого металла. Они исчезли в его широкой ладони, как растаяли. Только повернулся уходить, как в толпе заблестели ножи. Мудрец сказал зловеще:

– Не торопись. По правилам, теперь я задаю вопрос.

Мрак угрюмо смотрел на мудреца. Тот сказал испуганно:

– Мой вопрос таков: что за птица, что кричит по-человечьи, спит по-собачьи, плавает по-жабы, а зимой вмерзает в лед, как рыба?

В толпе наступило гробовое молчание. Даже Олег и Таргитай придвинулись, напряженно ждали удивительный ответ. Мрак почесал в затылке:

– А хрен ее знает! Держи свой выигрыш.

Он бросил монету перед мудрецом в пыль. Все трое пошли уже не наугад: носы ловили запахи жареного.

По дороге пришлось продираться через небольшой базар. Народ не спал, в долгожданной прохладе неспешно торговался, бродил по рядам. Мрак злился, буквально силой тащил то волхва, увидевшего редкие корешки и травы, то дудошника, тот клевал, вообще, как ворона, на все цветное и яркое.

Однажды чуть не потерял, когда их людской галдящий поток разъединил. Вместе с Олегом с двух сторон пробились к лавке, где среди черного люда золотые волосы Таргитая блестели ярко и непривычно. Их дурень в диком восторге крутил в руках длинную переливающуюся ткань. Увидев Мрака, крикнул, перекрывая шум:

– Как жаль, что в этом городе нет ни одной знакомой девки! Такую красоту подарить некому.

– Все еще нет девки, – поправил Олег раздраженно. – Размечтался.

– Ты говоришь, – с сомнением спросил Таргитай торговца, – что вот эту удивительно красивую ткань... дает противный мелкий червяк?

Торговец отшатнулся:

– Господин Алалац! Господин Алалац! Вы только послушайте, как этот варвар вас обозвал!

Хозяин, громадный тучный мужик в цветном халате, посмотрел заплывшими глазками, оценил, взвесил, прикинул, рука лениво шелохнулась в жесте отрицания.

– Да что ты от дикарей хочешь?... Здесь еще не знают, как они страусов ловят...

По дороге к журке прошли через шумное место, где продавали коней. Мрак подивился толпе: в храм столько и палками не загонишь, но, когда увидел коней, смягчился. Если бы в храме продавали коней, то и там народу было бы не меньше.

Лошадник увидел дюжих варваров:

– Эй, герои! По виду вы герои, но разве герои могут без коней?

Олег хотел пройти мимо, а Мрак почесал в затылке:

– Верно... То на Змее, то на Рухе, а коня давно под собой не имел...

– Всего по золотой монете за коня! Купите этого зверя с гривой! Не конь – ветер. Если сейчас вскочить в седло, то к вечеру будете в Рашкании.

Мрак подумал, почесал голову, замедленно обратился к Олегу:

– Нам чего надо в Рашкании?

– Рашкании? – переспросил Олег. – А-а, слыхивал... Прекрасный край. И народ там замечательный.

Таргитай вытаращил глаза:

– Когда ты успел там побывать?

– Я там не был.

– Откуда знаешь, что там здорово?

– Тарх, в Рашкании нас не били, не клевали, не топтали. Что тебе еще надо?.. Нет, Мрак, нам не до Рашкании, – закончил Олег неожиданно.

Мрак с сожалением поглядел на красавца жеребца:

– Не пойдет.

– Чем он плох? – воскликнул торговец.

– А на что мне Рашкания?

Таргитай победно поглядел на торговца: дурень не понимает таких простых вещей, вот ему уже все понятно. Тот в самом деле выглядел глупо – глаза на лбу, челюсть отвисла. Видно, дела шли плохо, ибо догнал троих варваров.

– Но как насчет вида? С вами считаться не будут! И никто драться не захочет. Разве что такая же бесконная мелочь.

Мрак круто повернулся, лицо посерело.

– Драться не захотят? Эт ты задел за живое, мил-человек. У нас тут есть волхв, хлебом не корми – дай кому-нибудь разбить голову. Да не мечом или секирой, а как зверь лютый – дубиной или вовсе кулаком! Уговорил. За один золотой возьму три жеребца.

– Да ты взгляни на коней.

Напрасно Олег и Таргитай дергали Мрака. После отчаянного торга все трое взобрались в потертые седла. Кони явно краденые: Олег обнаружил на попоне замытые следы крови. И явно не те кони, которых запрягают в телеги.

Чуть дальше Таргитай увидел попугая.

– Мрак, почему в нашем лесу такие не водятся?.. Эй, дядя, сколько хочешь за этого зеленого воробья?

– Три серебряных.

– Дорого!

– Да, но зато он говорит.

– А что он говорит?

Торговец оглядел Таргитая с головы до ног.

– Он говорит: «Ты дурак!»

Таргитай вспыхнул, оглянулся на друзей. Те нагло скалили зубы.

– Ну, если он говорит только это, то мне хватает этих двух неумытых. Может, лучше купить этого гуся?

– Две серебряных.

– Ого! Вообще не говорит, только гогочет, а так дорого? Зеленый воробей хоть дураком зовет!

Торговец посмотрел на Мрака и Олега, затем на Таргитая:

– Он не говорит, зато такое думает...

Перед входом в журку горели смоляные факелы. На двери была укрепленна массивная голова зверя, негры с удивлением узнали грифона. Массивное здание вросло в землю, боковая дверь вела в подвал. Из-за двери доносились пьяные песни, веселые вопли.

Негры были еще за сотню шагов, когда дверь с грохотом распахнулась. Человек вылетел с такой силой, будто все посетители разом дали пинка.

Мрак уважительно хмыкнул, когда выброшенный тут же с воплем вскочил и ринулся обратно. Внутри шум стал сильнее, закричали новые голоса. Дверь распахнулась с еще большим грохотом, бедолага вылетел снова. На этот раз с такой силой, будто пинка дал горный хребет.

– И здесь есть отважные люди, – заметил Мрак, когда человек кое-как поднялся и с боевым воплем снова исчез за дверью.

Снова грохот, крики, треск мебели. Дверь распахнулась так, что едва не слетела с петель. Человек вылетел неврам под копыта коней. Мрак подхватил его за шиворот.

– Эй, брешут волхвы, что Род вылепил человека из глины?

Человек с трудом держался на ногах, лицо было в крови.

– Если из глины... то из хорошей. Здесь пьют с утра до ночи... и не размокают.

Мрак одобрительно хмыкнул:

– Род лепил человека не из глины, волхвы брешут. Человек выкован из чести, гордости, мужества! Помочь, что ли, храброму?

– И трусости, невежества, дурости, – добавил Олег, будто вылил ведро холодной воды. – Добрый человек, да плюнь, иди в другую корч... журку!

– Не могу, – ответил тот, вытирая кровавые сопли.

– Почему?

– Это моя журка. Я хозяин.

Мрак тут же разочарованно покачал головой:

– А-а-а... Парни, едем дальше. Ежели тут хозяина выкидывают, то как готовят?

Если у Олега было чутье на беду, у Таргитая на девок, то Мрак привел по прямой, как ворона летит, к журке, которую упрямо именовал корчмой. Он везде искал подобие, упрощая жизнь, так как себя называл простым и даже очень простым, в то время как Олег умело находил малейшие различия.

Перед журкой уныло ревели верблюды и ослики, густо пахло пряностями, кислым вином. Для Олега было важно, что вместо коней – верблюды, для Мрака – что на верблюдах ездят, как на конях, а в журке едят и пьют. Что – не важно. Таргитай, который почитал ученость Олега, все же держался Мрака: с ним проще, а от думанья голова болит.

На крыльце упирался в перила толстыми руками тучный мужик огромного роста. Во дворе метались трое подростков, водили коней, таскали мешки. Мужик изредка взрывал густо и сипло, как медведь после весенней спячки.

Мрак хмуро оглядел неказистое здание:

– В хорошем месте поставил хозяйство. Здесь тихо, как погляжу?

Хозяин заверил с готовностью:

– Еще как! Только вчера ночью здесь были ограблены пятеро и троих зарезали, но никто и не пикнул!

Мрак покачал головой:

– Главное – хороший сон. Сколько берешь за ночлег в своем свинарнике?

Хозяин так же хмуро оглядел его с головы до ног, окинул мутным взглядом друзей, прохрипел простуженно:

– С одной свиньи – одну медную монету, а ежели поселитесь все трое, то две.

– А коней разместить сумеешь?

– За коней не беспокойтесь. Накормим и напоим. Они мне понравились больше, чем вы. Таргитай выглядел польщенным, а Мрак пробурчал подозрительно:

– Это меня и беспокоит.

Ступени затрещали под их могучими телами. Хозяин уважительно поднял брови, глаза, правда, больше не стали. Сидели они так близко друг к другу, что даже Олег сумел бы выбить одним пальцем.

Дверь открылась с грохотом. Из дыма и запаха жареного мяса вылетел кубарем человек, скатился по ступенькам. Мрак перешагнул порог, не повернул головы. Все верно: что за гулянка без хорошей драки? Все равно что свадьба без плясок или отлить и не пустить с громом ветра!

Олег, напротив, морщил нос. Не нравился ни запах жареного лука, ни дым над жаровней, ни удалые вопли гуляк. Слишком многолюдно, слишком шумно. Понятно, кто хочет просто поесть, тому незачем выходить из дому. Кто хочет поесть вкусно, должен найти вдову, что

умеет готовить, а кто хочет поест и выпить в веселии да еще и подраться всласть, тот идет в харчевню.

– У тебя должны быть комнаты, – сказал он хозяину, – и для людей благородного происхождения... У нас есть один. Это ничего, что он лохматый. Он просто заколдован.

Хозяин смотрел на Мрака подозрительно:

– Этот?

– Да, – объяснил Олег, не двигая лицом. – Он был принцем в своем племени. Провинился... не скажу за что, у меня даже спина краснеет. Его в наказание превратили в человека.

– Человека? – не понял хозяин. – А кем же он был?

Олег пожал плечами:

– Да сам взгляни. Разве не видно?

Хозяин внимательно оглядел Мрака. Почесал затылок.

– А разве бывает помесь кабана с медведем?.. Ладно, есть одна комната... Для благородных. Но стоит две трети золотого.

Олег шлепнул на стол золотой:

– Бери целый. Легко пришло – легко уходит.

Монета исчезла в огромной лапе хозяина. Рожа расплылась в широчайшей улыбке.

– Сейчас, сейчас... Ее только подготовят! Ну, выметут, уберут... Эй, Мишак, ты меня слышал?

Двое дюжих мужиков, помоложе, но копии хозяина, высунули головы из кухонного окна:

– Сейчас будет готово!

Хозяин развел руками:

– Народу мало, все приходится самим. И дичь бьем, и готовим... и все другое.

Вскоре наверху раздался шум, грохот, крики. Послышался женский визг. Снова крики, ругань. Наконец лестница затряслась, по ступенькам покатился полуголый мужчина. Лицо разбито, в кулаках ключья простыни. Докувыркавшись вниз, он напоследок ударился головой о пол, застонал и растянулся во всю длину, разбросав руки.

– Подлец!.. Негодяй!.. – донесся сверху женский вопль.

Мгновение спустя по ступенькам сбегала полная женщина, полуголая тоже, с хорошей фигурой и нежной белой кожей. Под глазом расплывался кровоподтек, она верещала в ярости. Следом за нею тяжело спустился повар, вытирая руки о передник.

– Подлец! – завопила женщина. – Мы заплатили за два дня вперед! Мы только поселились!

Хозяин буркнул:

– Ну и что?.. Эти постояльцы заплатили больше. Михай, как там Михук?

Повар ответил с готовностью:

– Меняет постель. У нас все быстро!..

Женщина, не переставая орать и ругаться, подхватила незадачливого компаньона. Кое-как подняла, но повар, спускаясь по лестнице, дал ей пинка. Оба рухнули, женщина заорала громче. Разорванная рубаша сползла до пояса. Гуляки за столами радостно орали, швыряли объедками. Собака набросилась с лаем.

Их не успели вытолкать за дверь, как хозяин повернулся к неврам:

– Готово.

Лестница вывела наверх, где вдоль узкого коридора темнели двери: две на одной стороне, две на другой. Обе левые были наспех собраны из свежеструганных досок. В крайней правой зияла дыра, которую закрыть можно было бы разве что щитом. Парнишка заколачивал ее досками.

– Не успеваем чинить, – глаза хозяина равнодушно скользнули вдоль коридора. – Жизнь...

– Она самая, – согласился Мрак.

Комната, на удивление, оказалась просторной, даже чистой. Массивное ложе возле окна, дубовый стол, две широкие лавки. Огромный сундук с грудой цветных одеял и тряпок на крышке. С продольных балок свисают мокрые простыни. На полу остатки затертой лужи.

Хозяин горделиво повел дланью:

– У меня самый известный постоялый двор во всем Старграде, то бишь Вечном Городе. Построил еще мой прадедущка! Здесь останавливались короли, герои, маги, пророки. В этой постели, к примеру, спали великий истребитель великанов Годой, славный король Фанас, волшебник Синий Чиж, знаток древних миров Наташ, удивительный человек Сафар...

Он гордо оглянулся на варваров. Те в самом деле были потрясены. Самый молодой вовсе раскрыл рот так, что поместился бы теленок.

– Ишь... Как помещались? Кровать мелковата.

– В походе не до удобств, – пояснил старший, мрачный и огромный, как медведь, который теперь в человеческой личине отбывал наказание.

А третий, красноголовый, как закат на ясном небе, сказал рассудительно:

– В книгах сказано, что в старину люди были мельче. Это потом приврали про великанов.

Хозяин сплюнул от досады. Варвары, что с них возьмешь... Послушать, как страусов ловят, так вообще...

А гости, бросив дорожные мешки в угол, отправились вниз, откуда несло запахами кухни, жареного мяса.

Глава 7

В нижней части постоянного двора звучала пронзительная музыка – у неврам сразу заломило в ушах. Воздух в просторном помещении был тяжелый, пряный, горячий.

За столами сидели в тесноте полуголые гуляки, красный свет факелов плясал по мокрым потным телам. Все говорили, пели, спорили, дрались, и все – разом, вразнобой, с криком, угрозами. Шныряли и сражались за кости собаки, такие же лохматые и дикие. Под потолком на поперечной балке сидела огромная яркая птица и ругалась последними словами.

Невры пробрались к ближайшему свободному месту. Мрак втиснулся первым, повел плечами. Двое выпали с лавки, на освободившееся место сел Олег. Повернулся, устраиваясь поудобнее, еще один слетел на пол. Таргитай радостно и застенчиво бочком сел на его место, вздохнул облегченно, и последнего как ветром сдуло с лавки.

Мрак постучал кулаком:

– Эй! Кто накормит двух голодных мужчин и ребенка?

Гуляки еще рассматривали их тупо и подозрительно: чужаки появились слишком быстро и заняли их места без драки, – но из кухни вышел громадный мужик, один из сыновей хозяина, поперек себя шире, в кожаном переднике, с огромным ножом в руке.

Голос прогремел, больше похожий на медвежий рев:

– Кто звал этих чужаков?

Замахнулся он с неожиданной легкостью. Мрак парировал удар правой, а левой коротко и сильно ударил под ложечку. Повар без звука опустился на пол, глаза вылезли из орбит, рот беззвучно открывался и закрывался.

– Открывает рыба рот, – сказал Мрак, – но не слышно, что поет... Три куска мяса, кувшин вина и ковригу хлеба! Можешь жареного поросенка.

Он поднял повара за шиворот, подтолкнул к дверям кухни.

Таргитай сказал осуждающе:

– Грубый ты, Мрак.

– Зачем тебе жареный поросенок? – спросил Олег сухо. – Такую беду, как у нас, не заедают.

– Да, – согласился Мрак, – но запить можно.

Олег проговорил с сомнением:

– Надеюсь, готовит он лучше, чем дерется.

Мясо проглотили как утки, не успев разжевать. Кувшин вина осушили тут же, а потом вертели головами, ждали, выбирали забившиеся в щели крошки хлеба.

Когда слуга принес жареного поросенка, точнее, кабанчика, Мрак пристально всмотрелся в сморщенное желтое лицо:

– Что-то мне твое лицо знакомо... Это не с тобой мы рубились спина к спине в битве Красных Мечей?

Челюсть слуги, который и кабанчика нес с трудом, отвисла. Глаза забежали, хотел явно соврать, но не решился:

– Н-нет...

– А! – протянул Мрак и звучно хлопнул себя по лбу, словно прибил комара с индюка размером. – Ну тогда это ты защищал ворота нашей крепости в Долине Крови? Помнишь, девы на драконах, яростный клич Боевого Носорога, кровь и пыль под знойным солнцем...

Снова трое наблюдали мучительную борьбу: слуга даже тощую грудь попытался выпятить, отчего выдвинулся живот. Однако пересилил себя, выдавил с неохотой:

– Воин, ты все-таки ошибся.

– А, в самом деле. Ты приносил нам первое. Ох и давно это было!

Таргитай, насытившись, оглядел завсегдатаев корчмы. Не все едят так же здорово, не у каждого кувшин с вином. Да и одеты многие в лохмотья.

– Мне бы хотелось получить гору золотых монет, – сказал Таргитай мечтательно. – Я бы раздал всем бедным...

– А мне бы дал половину? – спросил Олег. – Я бы тоже раздавал.

– Зачем тебе? – удивился Таргитай. – Не дам!

– Почему?

– Трудно самому намечтать гору? Или две?

Мрак велел принести вина еще, пил, громко причмокивал от удовольствия. Напротив сидел горожанин, кривился, хмурился, вздыхал, наконец бросил раздраженно:

– Варвар – всегда варвар. Ты мог бы хлебать не так шумно?

Мрак понимающе кивнул, спросил шепотом:

– Понял. Вино краденое?

– Да при чем тут краденое? Не стоит пить, шлепая губами, как верблюд.

– А-а-а-а, – понял Мрак. – Тогда буду пить, как ты: процеживая сквозь зубы, как осел.

Когда на столе от поросенка – какой там кабан, судя по остаткам, – и жареной птицы, которую заказал Олег, остались только груды обглоданных косточек, а три кувшина лежали под столом пустые, Мрак довольно рыгнул и отвалился от стола:

– Малость червячка заморил... Оказывается, диспуты мудрецов – дело стоящее.

Повар подошел уже опасно:

– Три... гм, две с половиной монеты.

Мрак удивился:

– Мил-человек, ты продаешь всю корчму? Нам недосуг, возьми одну, но принеси еще поросенка. С яблоками.

Повар исчез, не взяв монету. Мрак икнул, поковырялся в зубах. Олег съежился, ожидая неприятностей. Он даже не вздрогнул, только еще сильнее втянул голову в плечи, когда от двери раздался могучий голос, похожий на рев разъяренного быка:

– Где, где этот мерзавец?

Таргитай продолжал обглаживать косточку, а Олег сказал негромко, пересилив себя:

– Мрак, это ищут тебя.

– А почему не тебя? – огрызнулся Мрак.

Таргитай услужливо вмешался:

– Тогда бы искали шарлатана, жулика, пускателя пыли, мошенника, труса...

– Таргитай, – произнес Олег медленно и угрожающе.

– Все-все! Молчу как рыба об лед.

За офицером вошли стражи, громко стуча подошвами. Хозяин корчмы кинулся навстречу:

– Вон те трое варваров не хотят расплачиваться!

Начальник стражи быстро пошел, гневно раздувая ноздри, к столу, где в ожидании драки набычились и опустили руки на ножи трое чужаков. Самый могучий, черный и злой, раздвинул грудь, тугие шары на широких плечах вздулись. Шея у него как ствол старого дуба, битого молниями, исхлестанного ветрами и бурями, в темных глазах плясало злое веселье.

Второй варвар, с удивительно красной, как пламя костра, головой, кашлянул, осторожно потянулся к жезлу. А третий подвигал плечами, проверяя, на месте ли меч, хотя о таком оружии ни один мужчина не забудет.

Начальник остановился, смерил взглядом всех троих. Он немолод, опытен, видывал всякое, бывал во всяком, людей знал. Умел владеть мечом, знал, когда и как вступать в сражение. Потому оглянулся на своих помощников, подумал, кивнул хозяину:

– Ладно, я заплачу за них.

– Но...

– Гости все-таки. Да и что с них взять, если в самом деле страусов ловят так здорово?

Их комната под крышей, наверху урчали и шумно топтались голуби, вниз летели перья, шлепались лепешки, как из коров, только чуть меньше. Олег сердился, что глупым урчанием отвлекают: он-де не дурак и не оборотень, дабы спать как бревно. На самом деле слишком возбужден, чтобы заснуть так сразу.

Внизу в журке и на улицах все так же бурлила жизнь. Не затихала. Те же песни, выкрики, скрип колес и мычание огромных рогатых зверей, впряженных в телеги с высокими колесами.

Таргитай с криком проснулся. Вскочил весь в холодном поту, сердце билось так, что заболели ребра. Мрак мгновенно оказался рядом, хищные глаза зорко осматривали комнату, рука потянулась к секире.

– Что? Где?

– Сон... – пролепетал Таргитай. – Страшный сон...

Мрак плюнул, тут же завалился спать. На соседней постели поднялся Олег. Спросил сонно, но с надеждой:

– Вещий?

– Еще какой...

– Ты что видел?

– Как мы все умираем. Как умирает весь мир!

Таргитай сел, обхватив руками колени. Его трясло, зубы стучали. Олег набросил ему на плечи душегрейку, Таргитай зябко кутался, его передергивало.

– Олег, это было так страшно.

– Что ты видел? – допытывался Олег. – Как видел? – Всмотрелся в бледное лицо. – Ладно, не рассказывай. Знаю.

Таргитай с недоверием повернулся:

– Откуда?

Олег молчал долго, а когда заговорил, лицо стало бледнее, чем у Таргитая, а голос стал хриплым и сдавленный, словно рука смерти сжала горло.

– Ты умираю... А я умираю каждый раз, когда засыпаю. Я с ужасом вижу, как гаснет свет, как исчезают мир, земля, деревья... Исчезаете вы с Мраком... Потом начинается самое жуткое. Я зависаю в полной тьме, зависаю в пустоте, я вижу и чувствую Ничто... И в этом Ничто начинают исчезать мои ноги, руки, мое тело... Остаюсь только сам я, со своими мыслями, чувствами... но и те постепенно блекнут, растворяются, как клочья тумана... Это так страшно, что начинаю дергаться, возвращаю себе руки и ноги, вынырываю из сна... преддверия смерти!.. Однако, Таргитай, человеку надо спать. И я все-таки засыпаю, измучившись так, что засыпаю раньше, чем коснусь земли.

Таргитай порывисто обнял и поцеловал молодого волхва. Тот с неудовольствием отстранился, вытер щеку:

– Ладно, спи. Завтра день непростой. Это не Лес – Город!

Он лег, натянул одеяло. Таргитай долго сидел обняв колени. За окном ночь темная, тучи закрыли луну и звезды. Но он чувствовал за окном движение воздуха, в щели печально стрекотал сверчок. Неужели... неужели все это когда-то исчезнет?

Рано утром, войдя в конюшню, Мрак долго рассматривал своего коня. Тот стал вроде бы поменьше ростом, брюхо отвисло, как у стельной коровы, стоял, обпершись о стенку. Но в то же время это был именно тот конь, который до Рашкании... Где эта Рашкания, забыл спросить.

Спросил у кузнеца:

– С моим конем все в порядке?

Тот прищурился, похлопал по холке, брезгливо вытер пальцы. Те стали черными. Даже Мрак догадался, что коня выкрасили черной ваксой: вороны во всех племенах и народах считаются самыми быстрыми и выносливыми.

– Гм... Все в порядке с левой задней подковой. Ее еще можно использовать. Если переплавить и перековать на гвозди.

Мрак почесал в затылке:

– С конями мне и раньше не везло...

Кузнец смотрел подозрительно в его рябое некрасивое лицо:

– А в чем тебе, варвар, везло?

– Ну, с бабами, к примеру.

Кузнец с сомнением покачал головой:

– Врешь. С твоей-то харей?

– Клянусь! Ради меня одна красавица даже рисковала жизнью.

– Врешь!

– Сказала, что скорее бросится в пропасть, чем выйдет за меня.

Бочком-бочком к нему подошел сгорбленный горожанин. Лицо желтое, как лимон, дряблое, хотя еще в средних годах.

– Я слыхивал... – сказал он нерешительно, – что с вами лекарь... Я не верю в наших, одни шарлатаны... А вот в лесах, в глуши, в болотах еще остались настоящие лекари-исцелители...

– Как небо синее, – согласился Мрак. – Я как раз такой лекарь. А в чем твоя беда?

– Я ужасно страдаю от кашля.

– Два золотых.

– А точно поможет?

– Я же из Леса, – оскорбился Мрак. – Что в городах понимают?

Горожанин, печально покачивая головой, отсчитал монетки, взял кувшинчик, что протянул Мрак, отбыл. Олег увидел только, что Мрак раздает его лекарские вещи, прибежал разъяренный:

– Ты что хозяйничаешь?

– Зарабатываю, – ответил Мрак хладнокровно. – Жрать-то надо? Вон Таргитай совсем исхудал, щек из-за спины не видно.

– А что ты продал? Боги, это же слабительное! На что он жаловался?

– На кашель.

Олег вытаращил глаза:

– Ты рехнулся?

Они видели, как прохожий сильно закашлялся, остановился, торопливо выпил из сосуда. Дернулся, согнулся, ухватившись за стену. Лицо его напряглось и застыло. Мрак довольно повернулся к Олегу:

– Вот видишь? Как рукой сняло. Пусть теперь попробует кашлянуть!

...Плотно позавтракали, а потом, как Мрака ни отговаривали, оборотень взгромоздился на несчастного коня. С пешими считаются меньше, заявил он умудренно, а конный варвар чего-то да стоит.

Лошадки Олега и Таргитая при дневном свете тоже опустили уши, как под дождем лопухи, полиняли и стали меньше ростом, но все же выглядели лучше вороного жеребца Мрака. Добрый Таргитай на своего залезал остороженько, боясь задавить несчастное животное.

За воротами постоялого двора почти сразу оказались в самом центре базара. Таргитай решил было, что вчера в потемках да с голоду не заметил такого изобилия, но Олег покачал головой:

– Здесь все кочует. Даже базары.

– Это они нарочно, – заметил Мрак. – Дабы наш Тарх ножки не утрудил.

– Да я чо? – сказал Таргитай поспешно. – Ежели базар добрый, то я и дальше того угла прошел бы...

– Куда уж добрее, – сказал Мрак.

– Еще не базар, а базарчик, – бросил Олег.

– Базарище, – возразил Таргитай. – А то и базарищище!

Столы прогибались под гроздьями странных фруктов, овощей. Похоже, никто в Городе не ложился, но все по-утреннему горласты и переполнены энергией. Мрак с трудом пробился сквозь базар на свободную улицу.

С разных сторон били в бронзовые доски. Не удержи Мрак, Олег уже заспешил бы в местный храм на молитву. Там еще слабо горят светильники, окна и входы выглядят темными глубокими пещерами, для Олега исполненными древних тайн. Из храмов доносится слабое пение.

Утренний воздух не двигается, сохраняя запахи нечистот, аромат свежего хлеба – всю ночь пекли, Город проглотит и вдвое больше. От мясных лавок несет несвежим мясом и свернувшейся кровью. Пахнет даже рыбой, хотя невры ни реки, ни ручья вблизи не увидели. Мрак предположил, что где-то в загоне чистят и скребут Змея, – это от них несет рыбой и тиной, если долго не моются. От мелких харчевен сильно пахло чесноком, перцем, острыми пряностями.

Таргитай повел носом в сторону угольных жаровен вдоль улицы. Плотным занавесом колыбался чад от подгоревших внутренностей: требухи, сердец и почек – еды бедноты.

– Ты только что ел! – сказал Олег обвиняюще.

– Это было еще в корчме, – напомнил Таргитай с обидой.

На них украдкой посматривали, мужчины хмурились, женщины указывали на них детям, а молоденькие девушки старательно перебежали дорогу. Один витязь, если витязи бывают в звериных шкурах, особенно молод и красив. Золотые волосы, перехваченные обручем, падают на плечи, искрятся в лучах солнца. Лицо мягкое, румяное, губы по-детски припухлые. Глаза, ярко-синие, как небо, смотрят весело, но ощущалось, что в мгновение ока могут становиться холодными, как отточенная булатная сталь меча.

Он широк в плечах, как все варвары. Спина прямая: варвары не приучены кланяться на каждом шагу.

За ним едут двое, их почти каждый принимал за оруженосца и лекаря. В таких же волчьих шкурах, лохматые, один с волосами как крыло ворона, другой – с подобными догорающему пламени. Черноволосый был дик и страшен, его распирает звериная сила, смотрит угрюмо по сторонам, словно ищет, на кого обрушить кипевшую злобу, а красноголовый задумчив, отрешен от дел обыденных. От него пахнет травами, почему и принимают за лекаря, взгляд отстранен, светел, благостен. Даже дубина, что лежит поперек седла, не выглядит оружием. Опытные горожане замечали искорки на гранях камня, иные с холодком сладкого ужаса узнавали амулет. Красноголовый может оказаться варварским колдуном! А раз так, то он может схлестнуться в единоборстве с магами Вечного Города... Да что может – схлестнется! Разве не для того приехали?

Мрак, не подозревая, какое внимание они привлекают, сумел заставить коня перейти на рысь, затем пинками и жутким волчьим воем прямо в ухо вогнал в панический галоп. Чего конь не делал, наверное, уже лет сто. А то и не умел вовсе.

Изгои едва поспевали следом, а оборотень на скаку стоптал разряженного человека. Несчастный только вскрикнул, как придушенный заяц. Мрак не успел пожалеть бедолагу: тот отлетел к стене и грохнулся так, что хрустнули кости, затем мешком рухнул под ноги коня Олега.

Внезапно конь Мрака остановился как вкопанный. Узду держала жилистая рука, больше похожая на бревно. Рослый бородатый воин – звероватый, угрюмый, здоровенный как стадо быков, хищно смотрел на чужаков налитыми кровью глазами.

– Кто?.. Откудова? Ты что, не слышал, как я кричал тебе?

Мрак удивленно вскинул брови:

– Да? Я думал, кричал кто-то из тех, кого я сбил конем.

– Вот-вот, – сказал воин густым голосом, больше похожим на рев. – Ты проскакал от базара всего пол-улицы, а уже сбил пятерых! Не кажется, что это слишком?

Мрак почесал в затылке:

– А сколько можно?

Воин, несмотря на утреннюю жару, в тяжелом доспехе, синие как северный лед, глаза смотрели обрекающе. Голос как у лесного зверя.

– Откуда такие дикие?

Мрак впервые ощутил, что встретил равного себе. Если не покруче. Оглянувшись на изгоев, те пугливо ерзали в седлах.

– Скажу – не поверишь.

– А ты скажи! Лучше сам скажи. Да и вообще, что-то мне твоя злодейская рожа знакома...

– Вряд ли, – ответил Мрак вежливо, как учил Олег; сейчас он сам рад своей вежливости. – Я, вообще-то, свою рожу всегда ношу при себе.

– Ну-ну, кто и откуда?

– Я? Так вот я – гиперборей. Гиперборей, понял?

Бородатый страж в самом деле вытаращил глаза.

– Не понял. Откуда, говоришь?

– Из Светлого Леса.

Воин хмуро смотрел на пришельцев. Мохнатые, как бобы, брови так медленно всползали, словно лоб был не в два пальца шириной, а в три.

– Эт какого такого Светлого... Никакого такого Светлого... А-а! Разве что там, за горой с раздвоенной верхушкой!.. Была там такая?

Мрак вытаращил глаза тоже.

– Была и есть... Но мы ближе к Реке, ее ворона вброд перейдет, но мы считали ее Рекой, а гора справа.

– Так ты... невр, что ли?

Брови воина взобрались на середину лба, зато массивная, как ступень храма, челюсть отвисла до пояса. Мрак развел руками.

– Это теперь мы невры. А тогда были Люди.

– Люди, – медленно произнес воин. – И мы ту речку считали Рекой... Ишь ты, земляк! Далеко же вас занесло! Ладно, парни. Рад был встретиться, но надо бежать во дворец. А теперь еще и забросить по дороге в тюрьму этого злодея, что так нагло кинулся под копыта твоего коня! Развелось их, вишь... Уже и на коне не проехать...

Он подхватил мощной дланью несчастного и быстро поволок в ближайший переулок. Мрак обалдело смотрел на кровавый след на мостовой.

– Правда правдой, но родня тоже что-то значит. Может, надо не правды больше, а родни?

– Мы и так все родня, – возразил Таргитай горячо. – Род вылепил нас из одного куска глины!

– Но когда лепил чужих – плевал на руки.

Они постепенно удалились от площади. Народ встречался чаще. Мрак ухватил за плечо пробежавшего мальчишку:

- Эй, ребятня все знает. Скажи, где у вас самый великий мудрец?
- Мальчишка как угорь вывернулся из широкой лапищи лесного варвара.
- У нас один Ристальщик слывет великим мудрецом, да и тот в странствиях.
- Мрак разочарованно покачал головой:
- Ни черта не знает. Что за народ?
- В своем городе мудреца не бывает, – пояснил Олег. – Так уж заведено на свете.
- Таргитай просиял:
- Верно! Вот и нас выперли.
- Как раз за мудрость, – сказал Мрак саркастически. – Олег, что-то уже придумал?
- Он думает, – сказал Таргитай с надеждой. – Вон уже бровями шевелит.
- Дана говорила, что он один из первых людей. Род сотворил его в первой кучке.
- Олега?
- Куда Олегу быть в первой кучке! Аристея!
- А велика была кучка?
- У Рода спросишь. Еще могли заметить, что он всех пережил.
- Кому замечать? Он, поди, и сам не замечает. Не девка.
- Тогда другое.
- Что?
- Мрак смотрел с подозрением:
- Что другое?.. А, обертывается вороном прямо в Городе? Его ж камнями закидают! Ни одна баба за него не пойдет.
- Ну, расспросим стариков. К тому же спят плохо, а ежели Аристей поленится выйти ночью из Города...
- Это ты даже с крыльца ленился сойти!.. Теперь вижу, почему Олег не мечет искры направо и налево. Хотя, правда, ему бабы ни к чему... Это тебе в волхвах не выжить, верно?

Глава 8

Крупный черный ворон сидел, нахохлившись, на парапете высокой башни. Ночь, звезды, но внизу тьма расцвечена огнями факелов, окна освещены, мелькают угловатые тени. Город не спит, почти никогда не спит. Родной для него город, хотя родился и первые три сотни лет прожил далеко отсюда, в диком племени ныне забытых им людей.

Когда-то после долгих странствий набрел на этот город, тогда еще совсем юный и маленький, непохожий на нынешний, застрял надолго, полюбил, прижился.

Понятно, на месте не сидел, то и дело срывался в скитания, но всякий раз возвращался. Когда-то разбойники, беглые от властей, искатели счастья стекались сюда – на край света, так казалось тогда, но постепенно и здесь упорядочилось, хотя дух вольности и беспечного веселья остался.

Долина заселилась, выросли и другие города. Явились жадные на добычу кочевые племена, города склонялись то перед одним завоевателем, то перед другим, но этот выстоял. Кочевники недолго занимались осадой, раздосадованно уводили потрепанные войска, а в городе, который соседи начали звать Вечным, с новой силой вспыхивал дух вольности и веселья.

Если не вглядываться, просто непонятно, откуда берутся новые одежды, чем чинят телеги, куют коней, кто следит за порядком...

Нет, работать здесь умеют. Но стражи, в самом деле, немного. Вольный народ не терпит даже намека на насилие, а городом правит сам на сходе. Правит здравый смысл, хотя иной раз берет верх пьяная удаль или лихое: «Да гори оно все...»

Город лучший на всем Востоке, а это обязывает. Воздвигались новые дворцы и храмы, арки новых акведуков. В середине Города, на развалинах старых зданий вырастали новые дворцы, призванные затмить все, что было создано прошлыми поколениями. Дворцы и храмы соединялись крытыми переходами и подземными норами, где можно разъехаться груженными телегами. Вокруг дворцов вырастали обиталища слуг, стражи, конюхов, поваров и прочих работников властелинов Города, а вокруг грудились дворцы поменьше, тоже с домами для стражи, садовников и смотрителей конюшен, не таких роскошных, но все же способных затмить царские конюшни в других краях.

Город быстро богател, золото липнет к золоту: со всех сторон в город, который уже начали называть просто Город, везли драгоценный мрамор, редкие породы дерева, диких животных и лучшие из статуй, какие только создавали ваятели в ближних и дальних странах.

Аристей помнил прежние имена статуй: это боги той ушедшей поры. Люди забывчивы – что не уничтожено сразу, когда в мир приходит новая вера, быстро переименовывается. Красоту все же щадят: атрибуты старых божеств, при любых переменах объявляемых демонами, скалывают либо сбивают, раны замазывают, особенно древние статуи успели сменить по два-три имени...

В небе возникло легкое облачко, мысли Аристея оборвались. Пахнуло непривычным в этих краях холодноватым ветерком. На каменную площадку упал, тут же легко вскочил на ноги очень худой юноша с острым, как лезвие топора, лицом. Ребра едва не прорывали кожу, живот прилип к спине. Он был в легкой набедренной повязке и высоких сандалиях на толстой подошве.

Ворон недовольно переступил с лапы на лапу. В последние годы... нет, последнюю сотню лет все больше избегал людей. Зверей тоже избегал, с теми проще, свое присутствие не навязывают, не пристают с вопросами, мелкими просьбами, глупыми пожеланиями.

Каркнул хрипло:

– Приветствую сына Стрибога... Что в мире новенького?

Юноша судорожно хватал широко открытым ртом воздух, грудь ходила ходуном.

– Дай... отды...шаться... Я ж не ветер, как мой отец... только сын ветра...

– Сын северного ветра, – сказал ворон с легкой иронией. – Доблестный Аварис. А северные ветры крепче южных и всех прочих. Верно?

– Не знаю, – ответил Аварис сердито.

– Гм... А как говорят о себе!

– Южные тоже говорят.

– Да, в этом вы все хороши.

– Я только наполовину ветер. Земное меня тянет вниз.

– Ну-ну, я бы сказал, какое место тебя тянет... Что слышно, говорю?

Аварис молчал, всматривался в черного ворона со страхом и надеждой. Когда заговорил, голос был хриплым от горя:

– Сегодня узнал в вирии... Узнал то, что ты наверняка знаешь давно.

– О чем ты?

– Аристей, о каком предназначении шла речь? Что великий Род хочет от своего мира?

Аристей нахохлился еще больше.

– Жареный петух клюнул?... У нас всегда так. Только ради этого надо смешать все в кучу и начать сначала...

– Какой ты жестокий, Аристей.

Аристей равнодушно молчал. Аварис посмотрел на Город, такой прекрасный и полный жизни.

– Это все должно исчезнуть?

– Как и весь мир.

– И мы?

– А чем мы лучше?

– Аристей... Ты знал – и ни слова?

Аристей молвил с холодным равнодушием:

– Что толку от знания? Миром правит другое.

– Что? – спросил Аварис с надеждой.

– Чаще всего звериная сила. Это еще понятно. Но иной раз такое, что я только удивлялся долготерпению Рода. Будь я богом... давно бы все порушил.

Аварис смотрел воспаленными измученными глазами.

– И тебе ничего в этом мире не жаль? Даже этого Вечного?

Аристей покачал головой:

– Нет.

– Ты прожил здесь всю жизнь!

– Аварис, только молодых пугает смерть. Я видел, как поднимались и рушились города, как возникали новые народы и рассыпались в пыль царства. Мне и себя не жаль. Все настолько одинаково, что в смерти хоть какая-то новизна... А так мои прожитые годы похожи на барханы.

Аварис зябко, несмотря на зной, передернул плечами.

– Ты говоришь как бог!

– Потому что им тоже все едино. Они жили слишком долго. Мир мог бы попытаться спасти разве что молодой бог... только что родившийся... но даже он бы не успел.

С башни было видно, как на площади и на ближних улочках играли детишки в стукалку, катались друг на друге, носились с воплями. Трое пьяных гуляк вразнобой орал песню. Степенные прохожие гуляли по главной улице, заглядывали в окна, искали то ли новых развлечений, то ли новую журку. Из кузнечного ряда поднимались дымки, несли опрятные запахи железа и пота, из хлебных рядов вкусно пахло горячими булочками.

На дальнем краю площади пели и плясали бродячие музыканты. Помост, где сожгли невесту Маржеля, уже исчез, а черное пятно гигантского костра затоптали, затерли подошвами. Сквозь реденькую толпу неспешно протискивались на конях трое огромных людей нездешнего сложения.

Аристею почудилось, что признал троих из Леса. Недавно разговаривал с ними, когда в личине ворона посетил остров Буян. Далеко же забрались снова!

Аварис заметил их тоже:

– Странные люди... Как ты думаешь, кто они?

– Невры, – равнодушно ответил Аристей. – Невры из Большого Леса.

– Ты их знаешь?

– Я многих знаю. Эти как вышли в звериных шкурах из Леса, так и прут как лоси через белый свет. Разве что камень на железо сменили... Ого, у рыжего каков Посох! Я не думал, что он еще существует.

Слабая искорка интереса погасла в темных глазах Аристея так же быстро, как и вспыхнула. Аварис сказал с болью:

– Потому мир и гибнет, что те, кто мог бы спасти... или попытаться спасти... не шелохнут и пальцем.

– Аварис, – сказал Аристей равнодушно, – поживи с мое.

– И что будет?

– Увидишь хоть часть героев, каких видел я. Уразумеешь, что я когда-то был тобой, а ты мною – нет.

– Как это?

– Мне было двадцать лет, как сейчас тебе. Я тебя понимаю. Но как сможешь ты понять меня? Точнее, когда?

Аварис проводил взглядом три могучие фигуры:

– Мне кажется, они кого-то ищут.

– Люди, – бросил Аристей.

– Что?

– Человек всю жизнь чего-то ищет. Этим и отличается от богов.

Три далекие фигурки в звериных шкурах растворились среди узких улочек и редких прохожих. Головы странных пришельцев, такие разные между собой, еще долго маячили над толпой, их скрыл угол улицы.

Аварис сказал печально:

– Кажется, скажи им сейчас, что мир обречен, что ни боги, ни звери... они и тогда будут искать.

Аристей не ответил. Погасшие глаза без выражения смотрели на веселящуюся толпу.

Невры медленно двигались верхом через скопления людей, сворачивали к базарам, лавкам. Таргитай жадно рассматривал веселые раскрашенные лица. Ноздри трепетали от запахов восточных блюд. От зверских побоев поленьями уже отошел, зажило как на волке, вчерашнее забыл, глаза устремлены в будущее, где причудливо сплелись жажда побить злых богов и желание вкусно поесть.

Рядом настороженно ехал Олег. Глаза сузились, будто ломился через песчаную бую. Кулаки стиснул так, что костяшки побелели, словно пролежали под ракитовым кустом не один десяток лет. Мрак и Таргитай не чувствуют обилия магии, разлитой в воздухе, а ему щиплет кожу, будто изгрызли комары. От древних стен всегда веет магией, что не только хранится в них, но и зарождается, однако здесь тревожнее: опасно близко проскальзывают направленные острия. Кто-то враждебный усиленно ищет их?

Мрак продвигался через город, нацелившись всеми чувствами только на Аристея. Темные глаза вроде бы равнодушно скользят поверх голов, но цепко выхватывают непривычное, неожиданное, что можно связать со странным оборотом: перекидывается не в благородного волка, а в птаху!

Он пристально взгляделся в сгорбленного мужика с длинными черными с отливом волосами. Чем-то смахивает на ворона, только рожей из дурней не вышел. А ворон – птица мудрая, вещая. Должно быть общее между ним и человеком. Личины разные, а душа одна. Среди скорморохов искать тоже не стоит. Ворон веселья не любит, не сорока.

Таргитай, ошалев от обилия товаров, заявил, что здесь не хватает только рыбы с крыльями. Олег возразил, что ежели поискать, то и ее можно найти. Такую Род создал в веселую минуту, а на базаре Вечного Города можно найти все.

От разноголосого гама звенело в ушах. Привыкшие к лесной тиши невры болезненно дергались, а ладони прыгали к оружию, когда их внезапно хватали за сапоги, зазывали, потрясали перед конскими мордами цветными тканями. Острые и пряные запахи оглушали, Мрак наконец сказал зло:

- Может, только нам кажется, что Город умирает?
- Может быть, не знают? – спросил Таргитай с надеждой.
- Не верят, – бросил Олег.
- Почему? Пески прут, как лоси на водопой. Даже мне видно.
- Мы тоже знаем, что умрем. Но все люди живут так, будто бессмертны.

Олег метнул острый взгляд на оборотня. Заметил все-таки болезненное несоответствие! Правда, тут же забыл, по лицу видно, а в этом, возможно, и есть величайшая тайна Рода. Уж очень велико несоответствие между сроком жизни человека и его отношением к жизни! Неспроста.

Мрак хлопнул дюжего кузнеца по плечу:

- Дружище, ты мог слышать о чуде... он в птаху перекидывается. Ваш, городской.

Здоровяк повел плечом, сбрасывая ладонь еще большего здоровяка, похожую на лопату. Редко кто из мужчин способен ощутить симпатию к тому, кто выше ростом и шире в плечах.

- Тут все перекидываются.

Мрак победно поглядел на Олега. Он нашел, не волхв с его мудростью! Олег переспросил осторожно:

- Весь Город?
- Кузнец смачно сплюнул ему под ноги.
- До единого.
- И... дети?
- А что дети? Дети смотрят на родителей.
- Тогда... это город оборотней?
- Целиком.
- А во что перекидываются? В птиц?
- Люди всегда во что-то да перекидываются. Кто голубком, кто ласточкой, кто овечкой...

У-у, сволочи! Но здесь еще хуже. Они людьми прикидываются, гады!

Олег зябко передернул плечами, ощутил внезапно ледяной ветер. Ветер не родного Севера, а подземного мира! Мрак и даже Таргитай невольно пощупали рукояти секиры и Меча.

- Тогда... они вовсе не люди?
- Не-а.
- А кто?
- Твари поганые. Олени ни разу не грамотные.

Олег еще хлопал глазами, а Мрак уже нетерпеливо шагнул дальше.

– Пойдем, пойдем! Ему две шестерки выпало. Не видишь, глаза в кучку не соберет. И руки трясутся, будто все еще за кувшин держится.

Олег все чаще тревожно оглядывался по сторонам.

Мрак скривился:

– Что тебе не так? Более мирного города не встречали.

– Магия, – сказал Олег тревожно. – Слишком много. Ею пропитано здесь все...

– В старых камнях ее и должно быть, как в трухлявых пнях червей. Но разве волхв слабше мага?

Олег ответил с неудовольствием:

– Чего мы стоим – знаешь. Здесь я все время готов. Даже в спину кто захочет ударить – по стенам размажу раньше. Пусть из трусости, как ты говоришь.

– Так чего же?

Олег зябко передернул плечами:

– Магия клубится вокруг чего-то темного. Но проникнуть сквозь завесу не могу.

– Разве ты не сильнейший из всех магов, колдунов, чародеев и повивальных бабок?

– Мрак... Ты все еще не уразумел.

– Что я должен?

– Дело уже не в магах. Мы повстречали бога раньше, чем оказались готовы.

Брови Мрака сшиблись на переносице, глубокие складки прорезали лоб.

– С богом драться сейчас не с руки. С другой стороны, к чему мы были готовы?.. А что за бог? Силен?

– Мрак, ни у одного мага, даже всех вместе, не может быть столько мощи, как у бога. Даже самого малого. Боги – источники этой странной силы. Как бы ни был он силен или слаб, мы против него что три мыши против кота.

Мрак повесил голову, только волчье чутье не давало наткнуться на стены. Таргитай забежал вперед, искательно заглянул в глаза:

– А может быть, нас не тронет?

– Ага, спинку тебе почешет, – сказал Мрак саркастически.

– А что? Это ты со всеми ищешь драки.

В полдень, когда раскаленное солнце начало сжигать все живое, Город опустел. Олег остановился:

– Сумасшедший Город...

– Чем не нравится?

– Откуда столько народу? Как кормятся? Охотой не прожить – ясно. Но я не видел, чтобы за домами были огороды. Но это черт с ними, другое важно. Как отыскать Аристия?.. Здесь можно год бродить, два раза на одну и ту же улицу не попадешь...

– Ну-ну, – подбодрил Мрак. – Ты волхв.

Глаза Олега красные, пот катится по лицу крупными горошинами. Грудь блестит, став совсем темной, как кора молодого дуба. Волчью душегрейку с плеч сбросил, висит на поясе, прикрывая зад. От нее пар, и запах, как от целой стаи волков.

– Мы пока что заносим тебе хвост на поворотах. Думаю, надо разделиться. Пойдем прочесывать Город с трех сторон. Не все же время мы должны держаться за твою юбку... А к вечеру сойдемся здесь, на постоялом дворе.

Мрак оглядел его с головы до ног. Волхв выглядит твердым и крепким бойцом. Не знай, что в крепком теле сидит трусливый заяц, счел бы его могучим воином. Но волхву уже удастся смирать в себе тварь дрожащую, а Город, в самом деле, не выглядит опасным.

– Ты прав. Так отыщем вдвое быстрее.

– Второе, – поправил Олег. Посмотрел на Таргитая с сомнением: – Ладно, вдвое.

– Вечером встречаемся здесь. Если что... ждем трое суток. А потом, если и тогда кто-то не вернется, значит, сгинул.

Таргитай со страхом смотрел в жестокое лицо оборотня. Тот ошибается, полагая, что они с Олегом хоть что-то могут без него. Их и куры лапами загребут!

– Только коней оставьте, – добавил Мрак. – Этим мышей я продам... это я умею, куплю что-то покрупнее.

Глава 9

Еще не стих стук копыт, когда к Олегу подбежал ребенок:

– Я знаю, что вы ищете!

Олег насторожился. Чудеса могут быть разные, могут ходить горы и петь жабы, но мудрых детей просто быть не должно по законам бытия. Да еще таких замурзанных, в лохмотьях, в руке костей разве что для достойной Таргитая игры в бабки.

– Что я ищу?

Ребенок указал грязным пальцем на распахнутую дверь дома напротив:

– Там.

Спина Мрака удалялась в двух десятках шагов. Если крикнуть, оборотень с его секирой окажется здесь быстрее, чем молния достигает земли.

Олег перешагнул порог. Там темно, успел ощутить сильный запах немых тел. В тот же миг широкие ладони зажали рот, ухватили за руки. Олег упал под тяжестью грузных тел. В темноте сопели и наваливались, пока не раздался сильный голос:

– Довольно. Поднимите.

С окон сняли мешки. Свет хлынул яркий, в помещении было битком очень толстых и крепко сбитых людей. Не для боя, понял Олег. Тогда бы набрали суше и ловчее. Эти чтобы навалиться, смять весом. Захватить живым.

Из угла вышел мужчина в дорожном плаще. Глаза холодные, беспощадные. Сердце Олега похолодело: у человека нет зрачков. Он с отвращением посмотрел на пол, где стонали и корчились трое. Еще четверо опирались о стену. Лица у них бледные, от боли пошли крупными каплями пота. У троих бессильно висели неестественно вывернутые руки, а четвертый не решался опереться на другую ногу.

– Это ты волхв? – сказал мужчина в плаще неприятным голосом. – Какие же тогда у вас воины?

– Скоро узнаешь, – выдавил Олег, переводя дыхание.

Тот смотрел неотрывно, прощупывал взглядом, познавал. Варвар напуган, но его страх особого рода. Этот страх заставляет кровь струиться по жилам с такой скоростью и мощностью, что мышцы вздуваются, как сытые удавы. Жилы становятся крепкими, как корни дуба, сердце бьется, как могучий колокол. С такими сражаться опасно. Такой страх помогает видеть опасность, заставляет двигаться вдвое быстрее, избегать ударов, а свои наносить по-звериному быстро и точно. Такие редкие люди когда наконец понимают свойства своего страха, сами начинают вызывать его, наслаждаются им, живут с ним, не желают терять. Этот страх придает их жизни остроту и крепость, как пресной пище бедняка перец и сладости.

– Я не знаю, за чем вы трое, – проговорил человек без зрачков, – но я хочу знать.

Олег сказал сумрачно:

– Для этого надо было хватать?

– А что, ты сказал бы?

– Конечно, – ответил Олег убежденно. – Я всех незнакомых считаю друзьями. Друзьями и хорошими людьми. И так до тех пор, пока не докажут обратное.

– Что ищете? Сокровища, которые оставил в прошлый раз тот варвар, что разграбил два соседних города?

– Нет. Мы не ищем сокровищ. Нам нужен один человек...

– Кто?

– Он мудрец. Только он может ответить на очень важные для нас вопросы бытия...

Мужчина покачал головой:

– Придумай что-нибудь лучше. Трое варваров ищут мудреца. Что можно взять у него?

От темного человека струилась мощь, против которой Олег чувствовал себя бессильным. Наконец, собравшись с силами, сказал раздавленно:

– Ладно. Мне в самом деле одному не достать. Но вы должны обещать, что я получу свою долю.

Мужчина кивнул:

– Это другой разговор. Где?

– Это не разговор, – ответил Олег осторожно. – Я скажу, а вам останется лишь перерезать мне глотку?

Глаза мужчины стали хищными.

– Хорошо. Утром поедem к твоему кладу. Но не пытайся меня обмануть. Иначе умрешь... только тогда, когда разрешу палачам оборвать твою жизнь.

Увели не в подвал, как ожидал Олег, а почти на чердак. Правда, стены из массивных гранитных глыб, а единственное окошко забрано толстыми железными прутьями. Судя по блистающему синему небу, он заключен на вершине башни.

Доносились крики несчастных, с которыми уже делали то, что было обещано ему. Выдирали ногти, сдирали кожу – медленно, по лоскутку, чтобы муки длились и длились.

Похоже, здесь жилище бога, сказал себе с дрожью. Пусть не повелителя стихий, а мелкого, местного. Но все равно магия лесного волхва не поможет. Как и вообще магия.

Лязгнула дверь. Страж, одноглазый старик, вошел, ковыляя, в руке миска с едой. Лицо в шрамах, одет в лохмотья, только пояс чего-то стоит, потому что на нем связка ключей.

– Попался, – проворчал он, – теперь вынесут ногами вперед. Лучше отдай...

– А ты хоть знаешь, что?

– Все в Городе слышаны про сокровища того варвара...

Старик поставил миску на каменную глыбу, заменяющую стол, поковылял обратно. В коридоре звякало железо, Олег слышал дыхание по крайней мере двух стражей. Не вырваться.

Он быстро принял решение.

– Да, – сказал он стражу, – я знаю, где сокровище. Но отдать им все? А потом еще и жизнь?

Страж ухмыльнулся, показав гнилые зубы.

– Мне бы ты мог отдать половину.

– Треть, – сказал Олег. – Мне досталось оно непросто.

– Согласен, – сказал страж. К удивлению Олега, он с готовностью похлопал по связке ключей. – Я принесу тебе ломик. Если сумеешь дотянуться до решетки, попробуй выломать. Убегать надо через окно. Здесь все равно не пройти, там еще трое, а на выходе ворота сторожит сам хозяин.

– Когда?

– Сейчас принесу, – сказал страж. – Твою выдержку собираются проверить сегодня же ночью.

Он был уже за дверью, когда Олег спросил внезапно:

– А почему ты... решил рискнуть?

Мороз побежал по коже от безнадежности в голосе изувеченного стража.

– А что я здесь вижу? Тот же узник. Только в коридорах. А жизнь уходит.

Когда его шаги затихли, Олег быстро восстановил в памяти все коридоры, по которым его вели, двери, повороты. Стражей многовато, не все из них люди. А магию не применишь...

Он уже решил, что страж передумал, когда снова послышался лязг. В приоткрытую дверь скользнул ломик, тут же дверь закрылась, слышно было, как лязгнул засов.

Не тратя времени, Олег разбежался, прыгнул. Трудно, зацепившись одной рукой за край, выламывать прутья, но если сегодня же ночью будут сдирать кожу с живого... Даже Таргитай оторвет задницу от лежанки, а пальцы от сопилки.

Выломал первый прут, второй, когда в коридоре послышались шаги. Олег насторожился, шаги стража помнил. Шел человек уверенный, властный.

Он сел, опустил голову. Спина повернулась к двери. Загремел ключ, заскрипело, он ощутил дуновение воздуха над полом. Кто-то вошел, остановился сзади. Олег не поднимал голову, плечи бессильно опустил, изображая раздавленного, отчаявшегося.

– Ну, – раздался над ним звучный голос человека, привыкшего повелевать, – у тебя есть возможность, варвар...

Голос его внезапно изменился. Олег быстро вскочил, одновременно разворачиваясь и напрягая руки. Вытаращенные глаза незнакомца были устремлены в окно, где недоставало двух прутьев. Рот уже открылся для крика, а пальцы нащупали рукоять меча.

Кулак Олега ударил в живот. Дыхание вылетело со всхлипом, человек сложился пополам. Олег ударил сверху ломиком, услышал хруст. Не дожидаясь, пока рухнет и задергает конечностями, прыгнул к окну. Руки ныли, висеть на кончиках пальцев одной и ломать другой только обезьяне легко: у нее задница с кулак.

Последний прут выскочил, кроша камень, из лунки. Олег подтянулся, плечи уперлись в край. Ощутил отчаяние: не только зад, но и плечи не по-местному широки.

Потыкался безуспешно, а когда кое-как протиснулся, волосы дыбом. Даже не думал, что так высоко. А падать, судя по всему, вниз головой. На каменные плиты. Даже голова Таргитая не выдержит.

Обливаясь потом, протиснулся назад. Долго извивался, пробовал так и эдак, наконец сумел вдвинуться ногами вперед. Все равно почти покойник.

В последний момент, когда потянуло вниз, успел ухватиться за край. Под ногами была бездна. Стиснув зубы, безуспешно царапал стену ногами – ни щели, ни выступа.

Мокрый от страха, перехватил дрожащими руками, попробовал передвинуться. Пальцы не желали держать его грузное тело, задница тянула вниз, явно мечтает с этой высоты сесть на каменные плиты двора.

В желудке завязался тугой узел. Он не Мрак, который умеет, и не Таргитай, который не умеет, но не боится. Он – волхв, не его это дело прыгать, бить по голове, скакать по башням, как гордый... горный козел.

Перебирая руками по карнизу, ощутил наконец под ногами выступ. Еще чуть дальше был край крыши. Дом стоял рядом, а перепрыгнуть...

Ему показалось, что сзади донесся испуганный крик. Стиснув зубы, прыгнул. Внутри стало холодно, будто летел через ночь с льдиной в желудке. Сердце остановилось, он умер и мертвым падал и падал, пока не ударился всем телом о стену, а скрюченные пальцы ухватились за край крыши.

В полубессознательном состоянии подтянулся, упал на крышу и лежал, слыша внизу крики. Жизнь начала возвращаться, но чересчур медленно. Со стоном заставил себя подняться, побрел, прячась за толстые каменные трубы.

Крыша пошла вниз, дальше была пропасть пошире. Он застонал тихонько: это выпало бы лучше Мраку. Даже Таргитаю, простак не знает страха, но волхв и так умирает тысячи раз...

Уцепившись за край, повис, двинулся вдоль, перебирая руками. На уровне ступней ряд окон, закрытых ставнями. Доски крепкие, дубовые, а железные прутья вмурованы между каменными глыбами надежно, ветром не сдует...

Он задержал дыхание, примерился, разжал руки. Сердце замерло, он ухватился за край окна. Сильно дернуло вниз, одной рукой перехватился за железный прут. Мрак бы увидел, мелькнула торопливая мысль.

Не поверит, змей...

Раскачиваясь над пропастью, где на дне мелькали пятна света и слышались крики попережку с лаем, начал выдирать прут. Проклятое железо заскрипело, плиты ухватились, не отпускали. Глаза щипало от пота и каменной пыли. Поменял руки, едва не сорвался. Лучше бы человек произошел от обезьяны, а не от волка, подумал с отчаянием. Не его это дело прыгать по крышам, заглядывать в окна...

Прут поддался с оглушительным визгом. Олег замер, кожа пошла пупырышками размером с орех.

Тихонько отворил ставни, толкнул створку окна. В комнату светила полная луна, он увидел бедно обставленную комнату, разбросанную постель. Там поднялась и сидела, прижимая к себе легкое одеяло, молодая женщина. Олег не рассмотрел ее в полутьме, видел лишь, что у нее глаза раскрылись как окна, а рот начал открываться для визга.

– Тихо, – предупредил он, видя, что уже не успеет зажать ей рот. – Иначе убью и тебя, и всех, кого здесь отыщу.

Она закрыла рот, прошептала:

– Ты кто?

– Злой и страшный убийца, – ответил он страшным шепотом. – Но тебя не трону, только выберусь через дверь на улицу.

Она отодвинулась, когда он проходил мимо кровати. Ее белые руки прижимали к груди одеяло. Олег на цыпочках прокрался через комнату, уши ловили каждый звук с улицы.

Ее голос был тихий, в нем был еще страх, но было нечто и еще:

– Этот переполох из-за тебя?.. Даже Ропун носится с криком...

– Кто этот Ропун?

– Правая рука самого Пуцрана, а тот служит Маржелю...

Олег остановился у двери, прислушался. Крики приближаются, стражи бегут вверх по лестнице. Олег затравленно огляделся.

Женщина забыла прижимать одеяло, оно соскользнуло, обнажив зрелую фигуру с крупной, но еще девичьей грудью. Руки ее выглядели сильными.

– Тебя сейчас схватят... Но ты можешь спрятаться... здесь в постели. Я накрою тебя одеялом. Они увидят, что в комнате никого нет, и уйдут.

Лестница гремела под торопливыми шагами. Олег ощутил, как та же хищная рука схватила и сжала сердце. Таргитай тут же бы скользнул под одеяло. И все обошлось бы. Таргिताю все как с гуся вода. Еще и девку бы успел забрюхатить... Мрак бы с ревом ринулся стражам навстречу, смел бы сверху вниз, стоптал бы, как глупых кур, и тоже остался бы цел и невредим.

Олег подпрыгнул, ухватился за балку и повис, подтянувшись и закинув ноги на покрытое пылью дерево. В лицо обрушилась пыль, в носу защипало. Ленивая девка, подумал он с отвращением, мало пороли. Кто такую возьмет...

В дверь громко застучали. Женщина испуганно вскрикнула:

– Кто там?

Вместо ответа загремело железо. Дверь распахнулась. В комнату вбежали стражи. Впереди был коротенький человек в халате и вязаном колпаке. В руке он сжимал ключ.

– Кора, не бойся! Они ищут сбежавшего.

Стражи рассыпались по комнате. Один сразу же ринулся к окну с такой прытью, что едва не вывалился с разбегу, двое других заглядывали под столы, лавки. Человек с ключом пал на брюхо и заглянул под ложе. Ни один не заглянул в постель, где можно было в самом деле спрятаться в тепле и мягком, чем висеть, как драный кот на дереве, спасаясь от злых собак.

Девушка вскрикнула:

– Дядя, а кого ищут?

Человек в халате отмахнулся:

– Какого-то дикого варвара. Он разграбил городок поблизости, убил всех мужчин и обесчестил женщин... А также коз, коров и кур.

– Всех?

– Ну это же варвар, Кора! Суший зверь. Говорят, они помесь волков с лесными демонами. Воины бросились к дверям:

– Здесь его нет, надо искать на улице... Живо!

Дверь не успела захлопнуться, как ослабевшие пальцы уже не могли дальше выдерживать помесь волка с лесными демонами. Если бы с обезьяной, у которой голова с кулак, а так тяжесть неумолимо потащила вниз. Олег с грохотом обрушился на пол, поднял столб пыли, оглушительно чихнул.

Шаги на лестнице замедлились. Голос окликнул:

– Кора, у тебя все в порядке?

– Да, дядя, – откликнулась девушка торопливо. – Это у меня чурбан опрокинулся.

– Кто?

– Чурбан, – повторила девушка, глядя на странного гостя.

– Что за чурбан?

Она смерила взглядом широкие плечи варвара, ощупала им же мощные пластины груди, похожие на выкованные из светлой меди.

– Еще не знаю...

Олег кое-как воздел себя на дрожащих ногах. Шаги удалились и стихли. Он сказал торопливо, отводя глаза от ее наготы:

– Все-все, не волнуйся. Я уже ухожу.

– Не спеши, – голос ее был встревоженным, – тебя могут схватить. Они еще носятся вокруг как осы. А ты еле на ногах... Даже если город был маленький, все-таки всех женщин... Да еще коз, коров и кур...

Ее глаза были большие и сочувствующие. Она оглядела его с головы до ног, в глазах блеснули огоньки. Красные губы чуть приоткрылись. Она осторожно положила ладонь ему на грудь, снизу вверх смотрела в мужественное лицо северного варвара.

– Пережди...

Олег заставил себя отстраниться, хотя неведомая сила властно влекла к ней. Тут же подумал, что истолкует его жест как слабость, что-то говорила о каком-то городе и женщинах, на ватных ногах подошел к двери.

– Прости за вторжение, – сказал он тихо. – Я ничего не хочу от Города. Я только ищу мудреца. Великого мудреца, который живет в этом городе.

Он прислушался. Крики отдалялись, затихали. Погоня, судя по собачьему лаю, отправилась вниз по улице.

– А ты еще придешь? – спросила она с надеждой.

Вместо ответа он на цыпочках пробежал по коридору, едва не кубарем скатился по лестнице. Дверь на улицу была приоткрыта, в щель часто блистал красноватый свет. Лай отдалился, но люди бегали суетливо, мало кто по делу, больше выказывали рвение, – значит, как понял Олег, страшный хозяин каменной крепости где-то рядом.

Он в бессилии топтался за дверью. Когда сзади слышались легкие шаги, он напряг мышцы, изготовившись молниеносно ухватить и свернуть шею одним движением... Девушка ахнула, увидев его перекошенное лицо.

– Это я!.. Я вспомнила, где слышала об этом мудреце.

– Ты?

– А почему нет? – потребовала она. – Волос долог – ум короткий? Пусть так. Зато все новости мы, женщины, узнаем первыми.

– Ну, говори.

– Я знаю, где живет его друг... Если только у мудрецов бывают друзья. А тот знает, как его найти.

Олег смотрел настороженно.

– Если ты скажешь... Я сумею тебе заплатить.

– Правда?

– У меня... на постоялом дворе остались деньги.

– Варвар... Мне не нужны деньги. В нашем Городе настолько скучная жизнь, что даже когда пришел ураган, что погубил сто человек, и то все обрадовались! Если приходит варвар, весь Город стоит на ушах. Я хочу побыть при тебе немного, пока ты... не закончишь свой квест в нашем крае.

Челюсть у Олега отвисла.

– А как же... твои родители?

Кора сказала со вздохом:

– Варвар, у нас другие обычаи. К тому же я знаю, что меня ждет. Рано или поздно меня, как принято, выдадут замуж... Но любое замужество – это мираж в наших пустынях. Ты видишь роскошные дворцы, пальмы, башни из слоновой кости, караваны верблюдов... Потом исчезает дворец, исчезают пальмы, и ты остаешься с одним-единственным верблюдом... Еще не понял?

– Что-то смутно улавливаю, – пробормотал Олег, – но это так далеко от меня...

– Ладно. Объясняю: если возьмешь меня, я отведу тебя к другу мудреца.

Олег простонал сквозь стиснутые зубы. Почему он не Таргитай? Даже Мрак умеет лучше общаться с этими женщинами. А его, волхва, страшит и пугает все, что непредсказуемо.

– Ладно, – выдавил он.

Она прошептала ему жарко на ухо:

– Стой здесь. Я прокрадусь к стойлу, там неплохие кони... А ты спеши на задний двор. Я буду там скоро. Все запомнил?

Олег кивнул:

– Да, но мне надо вернуть свой Посох и оружие. Встретимся здесь.

Она прошмыгнула мимо, обдав запахом теплой постели и чего-то неуловимо женского, видимо, опасного, так как у него часто-часто застучало сердце.

...Они провели коней в поводу, зажимая ноздри, потом вскочили в седла и попетляли по улицам, прежде чем выехать за городские ворота. Третьего коня, навьюченного мешками с припасами, вели за собой на длинном поводке. Кора держалась в седле с прирожденной грацией. Олег пугливо косился на ее стройный силуэт, четко выделяющийся на звездном небе и очерченный призрачным лунным светом.

Она почти одного роста с ним, но тоньше, с прямой спиной. Очень женственная, она не забывала сладко улыбаться всякий раз, когда его взгляд падал на нее, но в ней чувствовались сила духа, энергия и просто звериная жажда перемен. Она уже сегодня ночью променяла теплую постель на жесткое седло, только бы видеть новых людей, влезать в чужие передрыги. А что ждать от такой беспокойной завтра?

Луна светила крупная, блестящая, как медный таз бороды. Копыта сухо стучали по твердой земле, что медленно отдавала накопленное за день тепло. Справа пошли редкие домики, огороды. Олег еще несколько раз свернул, пересек свой собственный след, выехал на другую дорогу.

– Вон там, – показала она, – маленький городок, его зовут Новоградом. Там поселились те, кто убежал из нашего Вечного. Они зовут наш Старым Городом, Староградом.

– Преступники?

Она пожала плечами:

– Наш Город сперва был городом беглых. Но когда те обзаводятся семьями, стареют, им тоже нужен порядок, закон, власть...

Переправлялись через реку, он увидел, как в оставленном позади доме распахнулась дверь. Мелькнула голова. Донесся далекий крик, голова исчезла.

– Проклятие, – сказал он зло, чувство беды возросло. – Откуда он почуял...

Она оглянулась.

– Может быть, это кузнец им рассказал...

– Откуда кузнец мог узнать? – сказал он раздраженно.

Она посмотрела на него, как он смотрел на Таргитая.

– Я просила его показать короткую дорогу к Новограду. Хоть это рядом, рукой подать, но дорога через пески!

Ему никогда не приходилось бить женщину, но сейчас пальцы сами сжались в кулак. Он выругался тихо и страшно:

– Чернобог посадил тебя на голову!.. Я столько петлял, хитрил, чтобы никто не знал, а ты сама рассказала!.. Теперь за нами поскачет целый отряд головорезов.

Соседнее селение, где она пообещала найти друга мудреца, было даже не селением, а простым оазисом. Они ехали в сторону рассвета. Дорога не широкая, но с двух сторон ветер наметал желтый песок, мелкий, как пыль.

Олег, завидя пальмы на виднокрае, слез и стреножил коней. Она не спорила: въезжать в любое село или город ночью опасно.

Олег намеревался перекусить уже в Новограде, но Кора, оказалось, захватила целый мешок с едой. Разожгла костер, разогрела, разложила на широких листьях сочных душистых растений.

Олег покачал головой:

– Это для двоих?

– Нет-нет, – сказала она торопливо, – только для тебя! Я ем совсем мало. А ты мужчина, значит, должен есть много. К тому же варвар – эти едят еще больше. К тому же такой большой и сильный... А если учесть, что спалил город, а женщин...

Он уже не слушал – желудок от голода начал грызть ребра. Бедняга наверняка решил, что глотка хозяина перерублена, раз так долго ничего в него не падает. Олег ел быстро и жадно, чувствуя себя в самом деле варваром. И не просто большим и лютым варваром, а люто голодным.

– Неплохо, – промычал он с набитым ртом. – Мрак говорит, что женщина, способная накормить в лесу или степи мужчину, заслуживает многое.

Она улыбнулась, голос ее был мурлыкающий:

– Ну, многое я не требую... Там ручей, я сейчас вернусь.

Он сидел у костра, всматривался в темноту, слушал ночь. Изредка вскрикивали птицы, стрекотали кузнечики. Теплый воздух наполнен запахами, и он в темноте видел на два-три полета стрелы так, как будто бы смотрел днем. Но глазами не увидишь сзади, а запахи и звуки рассказывают, что творится за спиной и дальше. Нужно только уметь чутать и слышать, а это он уже умел благодаря Мраку.

Что потеряю, когда меня убьют? Эти облака, что плывут неслышно в ночи, полоску рассвета, запах земли и цветов. Так сказал бы Таргитай, он любит говорить красиво и непонятно.

Кора вернулась свежая, вымытая, чистая, как рыбка. Увидев Олега перед костром, сказала задумчиво:

– Не знаю почему, но я так люблю смотреть в огонь...

– Взгляни последний раз, – сказал он резко и вылил остатки похлебки на горячие угли. Зашипело, взвились клубы пара. – Только глупый зверь может смотреть в огонь... И ослеплять себя. Любой подойдет и убьет тебя с легкостью.

Сердясь на себя за минутную слабость, расслабился, как Таргитай, даже о красотах заговорил, оседлал коней. Кора смотрела раскрыв рот, на лбу еще блестели капли воды. Приложила ладони ко рту. Он спросил с надеждой:

– Остаешься?

– Ты безумец... Ехать ночью?

– Зато остаться живым. Думаешь, не сумеют захватить нас здесь, у костра на берегу ручья?

– Нас надо еще найти! – запротестовала она.

– Даже мне ясно, что этот родник один на десятки верст. Каждый дурак останавливается именно здесь.

Отойдя на три шага, он набрал пригоршню пыли и медленно пропускал сквозь пальцы, пока остатки костра не покрылись тонким слоем. Выглядело это так, словно костер здесь жгли две-три недели тому.

Он вскочил на коня. Он не был дураком, по крайней мере, не каждым. Кора посмотрела на него, перевела взгляд на расстеленное возле костра широкое одеяло. Странно: смотрела все-таки как на дурака. Не простого, а редкостного.

Глава 10

В Новограде, как объяснила Кора, хоть и появлялись какие-то законы, но все равно здесь жизнь куда опаснее, а народ круче и злее.

– И городская стена не нужна, – заметил Олег, когда на горизонте в рассветной дымке показались крыши невысоких домов. – Лучшая защита – это отвага жителей. Свободные воюют лучше, чем рабы.

Копыта застучали суше. Дорога плотно утоптана. Впереди выросал добротный дом в три поверха. Во всех окнах было светло, где от смоляных факелов, где от масляных светильников. У коновязи стояли десятка два коней. Из окон доносятся удалые песни. На крыльце, несмотря на ранний час, сидели и стояли мужчины. Пили, обнимались, били друг друга. С лаем носились псы.

– Постоялый двор, – сказал Олег с удовлетворением. – Вовремя выпрыгнул навстречу. Я не знаю, что нас ждет в этом Новограде. А в таких местах знают все новости.

Он соскочил, бросил повод на коновязь. Кора слезла, шагнула за Олегом. Нищий, слепой и безногий, сидя в пыли, жалобно воззвал к ним, таким молодым и здоровым:

– Сжальтесь над несчастным, который потерял все радости жизни!

– Бедолага, – пожалела Кора, – он, оказывается, еще и евнух.

Олег огрызнулся:

– Что смотришь укоризненно? Я с ним не дрался.

– Да нет, мой укор не потому...

Кора бросила несчастному медную монетку. Когда прошли мимо к крыльцу, Олег сказал язвительно:

– А он в самом деле слепой!

– Ты ясновидящий?

– А он сказал тебе: «Спасибо, красотка».

На крыльце дорогу загородил огромный мужик в разорванной до пояса красной рубахе. Голова повязана платком, в ухе блестит золотая серьга. Он непристойно силен и красив, как бывает красив дикий жеребец, полный огня и свободы.

– Женщина?... – Даже голос его звучен и мужествен, как зов охотничьего рога. – Черт, как давно я не мял женщину! Даю за нее две монеты.

– Пошел! – отмахнулся Олег. – Она не для продажи.

– Все женщины для продажи!.. Только лучших продают богам, а что поплоче – нам.

Он подумал, что мужик, вообще-то, прав. Но тот загоразивал дорогу, и Олег сказал раздраженно:

– Но пока что не продается никому.

– Три монеты! Бери, дурень. Ни одна женщина не стоит больше.

Олег покачал головой. Опять мужик был прав, но Кору все же отдавать не стоило. Даже за хорошие деньги.

– Черт с тобой, бери четыре. Сам не пойму – с чего это я такой щедрый?

– Сойди с дороги, иначе перешагну!

Глаза мужика выпучились как у рака.

– Через... меня?

Олег в ответ двинул кулаком. Удар достал в подбородок, грузное тело трянуло, но мужик остался на ногах. Глаза начали наливаться кровью. Удар, даже такой добрый, еще не решает дело, и Олег ухватил обеими руками за голову, рванул вниз, а навстречу метнул колено.

Раздался хруст, будто собака грызла кости. Мужик качнулся и рухнул. Земля дрогнула от удара. Олег переступил, не глядя. Кора подпрыгивала в восторге:

– Из-за меня еще никогда не дрались!

Олег вошел в харчевню. Сонный повар разжигал огонь в большой жаровне. Олег спросил вежливо:

– У меня всего одна монетка. Ты можешь сказать, что я могу купить... и сколько?

Тот хотел явно ответить нечто иное, но смерил взглядом широкие плечи незнакомца, оценил волчью шкуру, огромные руки, суровое лицо.

– Немного мяса... и кувшин воды.

– Воды?

Хозяин кивнул:

– Во дворе колодец с чистой водой. Из преисподней! А ты, похоже, воду предпочитаешь вино.

Кора пихнула его под столом, шепнула горячим шепотом, едва не спалив ему ухо:

– У меня есть деньги! Заказывай и вино.

– Угадал, – согласился Олег. Он с уважением смотрел на хозяина: волхв не волхв, но кое-что умеет видеть даже в чужаках. – Но почему – похоже?

– Варвары в походе всегда предпочитают родниковую воду любому вину.

Вскоре вошли еще двое и сели у дверей. Олег насторожился. Всякий, кто входит, обычно плюхается за стол и поднимает крик, требуя к себе внимания, заказывает еду, вино, а успокаивается не раньше, чем распустит пояс на две дырки. А у этих к тому же повязаны головы цветными платками, чем резко отличаются от остальных. А в ушах обоих болтаются серьги.

К столу Олега подошел дюжий мужик, в лохмотьях, но опоясан широким ремнем. Справа висел кинжал в дорогих ножнах. Рукоять блистает затейливым узором. На такой кинжал можно было бы одеть небольшую семью.

– Ты обидел нашего соратника, – сказал он медленно. – Мы с ним прошли многое...

Олег покосился на Кору. Ее щеки начали розоветь, а глаза радостно заблестели. Дурочка. Скучно ей, видите ли. Решит, что и этот пришел драться из-за нее.

– Говори, – велел Олег, – или убирайся.

Мужик смерил его недобрым взглядом. Стоял он чуть покачиваясь, словно на палубе кораблика в открытом море. Кулаки в садахнах, под глазом остались следы кровоподтека двухдневной свежести.

– Я пришел проститься.

– Убираешься к Ящеру?

– Нет, чужак. Убираешься ты.

– Гм... Уверен?

– Да. Ты либо уберешься сам, либо вынесут твой труп.

Олег смотрел на разбойника, но глаза видели уголками все, что с боков. Что-то уж слишком уверенно этот держится. Их вожак не слабее, могли бы чему-то научиться. Здесь что-то другое... Ага, один зашел сзади! Сейчас первый начнет поносить его, чтобы варвар выхватил меч. Тогда тот, что сзади, ударит его кинжалом. Здесь есть какой-никакой, а закон, все подтвердят, что варвар обнажил меч первым.

– Продолжай.

– Ты вонючий дикарь... ты...

Олег начал медленно подниматься, глаза всех в корчме были на них, разговоры прекратились. Олег так же медленно потянулся к рукояти ножа, глазами держал лицо разбойника. Когда пальцы уже почти коснулись рукояти, что-то увидел у того в глазах, неуловимое изменение, внезапно резко сдвинулся, ухватил нечто лохматое сзади, крутанул и с силой ударил о стол.

Разбойник ахнул и попятился. Олег придержал голову второго на столе. Кровь заливала гладко выструганные доски. Пальцы хитреца, что подкрадывался сзади, разжались. Искусно выкованный кинжал выскользнул и громко звякнул в полной тиши о каменный пол.

Олег отпихнул труп, а это был уже труп, хотя еще теплый, повернулся к первому. Он чувствовал, что улыбка становится очень недоброй, так часто улыбался Мрак, когда видно только волчий оскал.

– Извини, что прервал. Продолжай.

– Я... гм...

– Что? Говори громче.

Разбойник стоял бледный, губы начали трястись. Глаза не отрывались от огромных рук северного варвара. Они только что разбили голову его друга, а тот не был слабым.

– Да я что... я ничего...

– И никто к тому же, – добавил Олег. – Но ты вроде бы назвал меня дикарем?

В корчме уже ехидно улыбались, всем уже все ясно. Кто-то за дальним столом поднял кубок, кивнул ему. Кора повизгивала от восторга. Даже привстала и окинула всех победным взглядом. Пусть запомнят ее, спутницу отважного варвара, который, возможно, где-нибудь завоеует себе королевство. Во взгляде острое сожаление – всего две женщины, да и те старые клячи.

– Да я что... – лепетал задира. – Дикари... это лучшие люди!.. Они герои... э-э-э... они побивают чудищ... Лучших женщин берут... По праву, по праву! Да и вообще...

Олег кивнул. Красные волосы хищно падали на лоб, а зеленые глаза блестели странно и недобро.

– Допустим. А что-то мне послышалось насчет вонь?

Разбойник облизал пересохшие губы:

– Да это от меня... От меня вонь!.. Я три дня в седле... Мыться некогда!

– Потому что в седле? – переспросил Олег.

В корчме откровенно ржали. Кто-то демонстративно понюхал воздух, отшатнулся, зажав нос пальцами. На несчастного указывали, хохотали, бросали костями, объедками.

Двое парней выскочили из кухни, подобрали убитого и быстро утащили. Олег проводил их взглядом. Только бы не пустили на котлеты. Он не хочет есть человечину. Он не Мрак. Впрочем, тот не стал бы есть мясо труса, что нападает сзади. Придется на всякий случай заказывать птицу, чтоб видны были крылья и лапы.

Труп утащили через заднюю дверь. Олег успокоился: если скормят, то свиньям. Даже Мрак бы не возражал. Разбойник уже пятился. Ноги дрожали, губы тряслись, серый, как земля под ногтями. Олег посоветовал:

– В следующий раз, когда попадешься на глаза, я раздеру тебя, как жабу. Понял?

– Понял, – сказал тот торопливо.

Кора проводила его сожалеющим взглядом.

– Проводить бы пинками... Ты силен и отважен, варвар. В наших краях мог бы стать военачальником.

– Зачем мне?

Она едва не захлебнулась супом.

– Как зачем? Свергнешь короля. На троне сидели и поглупее тебя.

Олег посмотрел на свои огромные руки. За время квеста их обвили тугие жилы, так и вздуваются под кожей, темной и толстой, кулаки как две кувалды. С ними волхвом не выглядит, нечего обижаться.

Подозвал хозяина:

– Там, как я заметил, осталась неплохая лошадь. Мне ни к чему. Возможно, знаешь бедную семью, кому нужнее.

Лицо хозяина посветлело.

– А чо долго искать... У Пака вчера издохла кобыла. А у него трое голодных ртов. А за это похоронит это... ну, заодно посмотрит сапоги. У них вроде бы один размер.

Олег и Кора ели уже не торопясь. Хозяин торопливо стер кровь со стола и сам принес блюдо с истекающим соком жареным гусем. Печеные яблоки, зелень и лук пропитались подливой, источали зазывные ароматы.

Олег ел неспешно, он всегда ел неспешно, ну почти всегда, а девица быстро наклевалась и посматривала на могучего варвара украдкой. У него были странно благородные манеры, словно воспитывался в царской семье. Впрочем, он вполне мог быть странствующим принцем. Пока отец носит корону, этот скитается по свету, потом будет нельзя. Нельзя и некогда. Мир смотрит, а заодно и подбирает себе по сердцу...

Жаркая краска прилила к щекам. Сердечко заколотилось чаще. А почему бы и нет? В ее жилах, как не раз рассказывала мама, течет кровь древнейших правителей. Это в их Вечном Городе на это никто не обращает внимания, но у варваров благородное происхождение должно цениться...

Они уже пили легкое вино, когда в корчму вошел крупный мужчина. Олег ощутил толчок: от незнакомца веяло грозной мощью. Такое впечатление произвели на него горы, когда увидел впервые. Тот двигался неспешно, по-медвежьи, но за ленивой грацией была кошачья гибкость и стремительность большой змеи. Ворот распахнут, под темной от солнца кожей двигались толстые, как змеи, мускулы.

– Не горбись, – прошептала Кора страстно. – Он идет сюда... Ты его сейчас отлупишь?

– С чего это?

– Ну, мужчины любят подражаться.

Мужчина остановился перед их столом. Олег грыз кость, держа обеими руками, вино пока отставил. Сердце колотилось часто, чуя беду, но усилием воли заставлял себя не поднимать глаз. Слышал, как тяжело заскрипела дубовая скамья. Всклипнул стол, когда на него положили тяжелые руки, больше похожие на бревна.

Олег чувствовал, как маленькие глазки придирчиво изучают его. Голова незнакомца похожа на отполированную гранитную глыбу, а глазки смотрели из узких щелей. Голос тяжелый, будто переворачивал горы.

– Ничо, что я без приглашения?

Олег небрежно помахал костью с остатками мяса.

– Когда голоден, какие еще приглашения. Садись, здесь хорошо готовят.

Мужчина смотрел все так же изучающе. Олег подумал, что Мрак уже рассердился бы. Но то Мрак, а Таргитай, к примеру, не заметил бы никакой бесцеремонности. Но оба не трусили бы. А от мужика исходит мощь, как от горного хребта. Или океана. На человека он походит, но от людей никогда не чувствуешь такой мощи...

– Ты новый, – сказал он так, будто Олег этого еще не знал.

– Здесь, как я слышал, – ответил Олег небрежно, – весь город новый...

– Да, люди новые... Но все-таки одинаковые. А ты – нет.

Олег пожал плечами:

– В том краю, откуда я пришел, все такие.

Выражение глаз незнакомца не изменилось. Явно знает о других краях и других народах. И эта мысль наполнила Олега холодком больше, чем чудовищная мощь. Этот человек даже не пялился на его рыжие волосы, не всматривался с глупым удивлением в зеленые глаза, такие непривычные в этих песках.

Олег швырнул кость под стол. Там возникла схватка, его толкнули, рычание из двух глотков перешло в визг. Крупный пес выскочил с добычей, увел двоих псов помельче. Мужик оскалил зубы, крупные, как у коня, но по-волчьи острые.

– Все как у людей. У нас научились.

– Смотри кого сотворили раньше, – сказал Олег.

Глаза незнакомца как острые ножи.

– По какому делу прибыл?

– Здесь, как я слышал... привыкли не задавать вопросов.

– В самом деле?

– Да, – ответил Олег, сердце начало колотиться чаще. – Потому что ответ может не понравиться.

Выражение глаз мужика не изменилось.

– В самом деле?

Олег опустил руку на рукоять ножа.

– Даже очень... не понравиться.

Некоторое время они ломали друг друга взглядами, Кора затаила дыхание. Глаза блестя так, что осветили стол. Неужто решит, подумал Олег невольно, что и эта стычка из-за нее?

В корчму вошли один за другим трое крепких мужиков звероватого облика. Все с цветными повязками на головах, в левом ухе по серьге. Не успокоились! Видно, давно не встречали отпора. Отвыкли.

Едва сели, вошли еще двое. Тоже с цветными платками, серьгами. Они чем-то, помимо одежды, напоминали первого, который пытался купить Кору за две монеты, да и тех, кто хотел отомстить за жоака. От них пахло морем, водорослями, прокаленным песком. Лица одинаково обожжены нещадным солнцем.

Гигант раздвинул в усмешке губы. Выглядело это так, словно в скале появилась ненадолго трещина, выпустила теплый воздух и сомкнулась снова.

– Гордый, да?... Но я мог бы сломать тебя двумя пальцами. А служу я тому, кто может сломать двумя пальцами сотню таких, как я. Или тысячу. Он не заметит разницы.

– Ты можешь попытаться, – ответил Олег. Кровь шумела в ушах, он чувствовал, как мышцы вздуваются сами по себе, а дыхание становится чаще. – Ты сам... или то, чему ты служишь.

Мужик начал приподниматься. В глазах была смертельная угроза.

– Как только будет велено.

Олег сказал громко, кося глазом на контрабандистов:

– Хорошо, друг. Ты заплатил, как договорились, так что пусть все золото остается у тебя.

Мужик посмотрел с недоумением, как на безумного, хмыкнул и встал, с грохотом отодвинув лавку. Олег заметил, что несколько голов приподнялись, прислушиваясь к его словам. Даже жевать перестали.

Когда гигант ступил через порог, один спешно вскочил и, подбежав к окну, подал какой-то знак. Олег проглотил кашу с костью и мясом на ней, подошел к другому окну.

Гигант вышел на улицу. Почти одновременно с трех сторон к нему пошли трое. Олег узнал их по обожженным лицам и цветным платкам на головах. Они выглядели опасными, крутыми, свирепыми. Шли чуточку враскачку, уверенно, руки над рукоятями мечей.

Он наблюдал за гигантом и чувствовал, что тот, несмотря на свою шаркающую походку, все видит и все замечает. Олег даже сейчас поставил бы на него, а не на троих умельцев с кинжалами на тесных улицах.

Трое приблизились. Гигант внезапно шагнул в сторону, коротко и сильно ударил ребром ладони. Разбойник уже замахивался мечом, гигант достал его кончиками пальцев. Олег не поверил своим глазам: разбойник согнулся, будто конь лягнул в причинное место, сделал два шажка и рухнул вниз лицом.

Но еще до того, как зарылся в пыль, гигант взорвался, как блистающая молния. Откуда-то появился и заблестел меч, Олег запоздало понял, что гигант попросту выхватил его у второго разбойника. В воздух взлетели отрубленные кисти рук. Разбойники с криками отшатнулись.

Гигант с усмешкой отшвырнул окровавленный меч, пошел так же неспешно и уверенно. За его спиной один остался лежать неподвижно, а двое... Олег ощутил тошноту: двое трясли обрубками рук. В пыли лежали четыре кисти, две сжимали кинжалы.

Он вернулся к своему столу, швырнул обглоданную кость псу.

– Хреновые у вас вояки...

Все пятеро смотрели угрюмо и с нехорошими усмешками. Олег заметил, как их пальцы сжимают кинжалы...

– Он один побил троих. А сейчас к нему, похоже, сбегутся его люди... Да-да... Такие же гиганты, если не круче... Да, эти люди стоят друг за друга.

На него смотрели вытянувшиеся лица. Он сказал с удовольствием:

– Вы не уходите, парни! Они сейчас ворвутся сюда. Я хочу посмотреть, как вы их сотрете в порошок. Ведь вы крутые парни, верно?

Они вскакивали, с грохотом опрокидывая стулья, скамьи, столы. В руках появились мечи и ножи, но бросились не к двери, ведущей на улицу, а к черному ходу.

У него было сильнейшее желание подогнать их пинками, как предложила Кора, желание, недостойное волхва. Но сдержался: он не Мрак и не Таргитай.

– Ладно, – сказал Олег. – Где твой друг мудреца?

Она наморщила лобик.

– Ну... за это время так много изменилось...

– Дома стали низкими?

Она поняла, показала в улыбке чистые белые зубки.

– Нет, два года назад я под стол пешком уже не ходила. Просто здесь город разбойников. И всех, кто укрывается от князя. Город меняется быстро.

Олег перехватил ее любопытный, как у зверька, взгляд на свой палец. Колечко из серого металла сидит незаметненько, Олег забыл о нем, едва надел. Еще там, в Долине Древних Волхвов. Или он отыскал его среди сокровищ киммерийского кагана?

– Почему не золото? – спросила она.

– Не знаю.

– Странно... Ты мог бы иметь золотое.

– Зачем?

– Ну, к золоту стремятся все.

– Как видишь, мы не все.

Она исподтишка смерила взглядом могучую фигуру варвара. Восходящее солнце красиво покрыло его загорелые плечи червонным золотом. Красные волосы блистают, на суровом лице странно и завораживающе блестят зеленые глаза. Он явился из сказочной Гипербореи, страны полубогов и магов, но держится царственно просто. Так держатся только варвары, дети и... короли.

– Впрочем, – сказала она неожиданно, – золотое не бывает волшебным.

Он задумчиво потрогал колечко. Оно не выглядело волшебным. Но Кора права, у золота и без волшебства достаточно мощи.

Когда они вышли на крыльцо, Олег понял, что за ощущение беды давило. Над близким оазисом, где вырос Новоград, поднимались столбы густого черного дыма. Горели высокие пальмы, дома, сараи.

Олег вскочил на коня, пустил в галоп. Кора вскоре догнала, лицо ее белое, огненные сполохи плясали по лицу. Среди горящих домов суеились люди, вытаскивали скарб. Носились всадники, блестело оружие. Поперек дороги лежат трое, уже раздетые, без обуви.

Олег вопросительно посмотрел на Кору.

– Соседи, – ответила она равнодушно. – Они всегда дерутся.

– Соседи? Да они город спалили!

– Напали новгородцы на новгородцев, – объяснила она. – Кто не хотел жить в Старограде, селился в ближайших оазисах... Ну, возникали маленькие села, города. А эти двое из самых старых. Один назвали Новоградом, а другой – Новгородом. Города-близнецы, но дерутся пуще заклятых врагов.

– Это понятно, – вздохнул Олег. – Везде своих быют в первую очередь.

Городской стены нет, широкая дорога привела прямо на главную улицу. Дома стоят с выбитыми окнами, сорванными дверями. Из окон выбрасывают мебель, утварь, тряпки. Кричат со всех сторон, мелькают остервенелые лица, навстречу, истошно крича, бежит женщина в разорванном платье, кровь струится по ее ногам. За нею гонится с хохотом воин. Олег подал коня в сторону, пропуская. Кора взглянула с осуждением, но Олег держал лицо каменным.

Городок мал. Избегая схваток, они свернули в узкую улочку. Кора кивнула:

– Здесь он живет.

Домик стар, глыбы, из которых сложен, могли застать еще самого Рода молодым. А складывал их, скреплял, прилаживал если не местный бог, то великан. Но... сорванная с петель дверь лежала на ступеньках.

– Постой здесь, – велел Олег.

Он бросил ей поводья, двинулся в зияющий пролом. Послышался крик, лязг железа. Кора поспешно привязала коней к дереву, вихрем влетела следом.

Двое лежат на полу в лужах крови. Третий, ничего не слыша, торопливо рылся в большой медной скрыне. Услышав drobный стук каблучков Кору, обернулся, как зверь. Олег увидел перекошенное лицо и оскаленные зубы. Едва выставил Посох, парировал, быстро ударил сам. Человек всхлипнул и сел. Черные, как смоль, волосы быстро пропитались кровью, она полилась по лицу, брызнула на землю.

– Взгляни, что с ним. А я посторожу дверь!

Она только сейчас увидела на ложе крупного, очень немолодого человека. Лицо его спокойно, в груди зияли четыре глубокие раны. Постель под ним залита красным.

– Боги... Он убит!

Олег огрызнулся:

– Первый раз видишь убитого?

– Его – первый раз... Но... мог бы... почему даже не сопротивлялся?

Олег хмуро окинул взглядом убитого. Кто знает, что здесь произошло. Вряд ли его застали спящим: весь город стоит на ушах! Но сам ли решил так уйти, или же...

Неприятный холодок пробежал по спине, когда подумал, что могли вмешаться силы совсем другие, чем вечно завидующие соседи.

– Мы не успели спросить! – вскрикнула она жалобно.

– Ладно, – решил он, – взгляни, нет ли чего в его скрыне ценного. У человека, которому мудрец доверяет, может быть немало удивительного.

– А что брать? Все, что может понадобиться?

– Только то, без чего обойтись нельзя.

Она заколебалась:

– Женщина может взять многое... Только смотря кому нести...

– Твоему коню.

Когда они вышли, на улицах плач, но уже не было схваток. Похоже, соседи совершили легкий набег, пожгли, что сумели, пограбили, но отступили, когда жители города собрались с силами.

Кора искательно смотрела в мрачное, как туча, лицо варвара:

– Куда теперь?

Лицо Олега угрюмое.

– Поеду обратно с поджатым хвостом. В вечный город Староград. Выслушаю, как облает один такой... очень лохматый и страшный.

– А ты не дашь сдачи?

– Ему нет.

Она чуть задумалась. На ровненьком лбу появились едва заметные морщинки. Возможно, представляла, как может выглядеть на троне Вечного Города лохматый и страшный.

Глава 11

День клонился к вечеру. Усталые кони едва тащили ноги. Обгорелые дома Новограда остались за спиной, дорога вела мимо постоянного двора к Вечному Городу, скрытому пока что горами песка. Олег подумал досадливо, что ни один зверь не сравнится по выносливости с человеком. Тот бы уже добежал до городских стен.

– Переночуем здесь, – решил он. – Летняя ночь коротка. На рассвете будем в твоём Вечном.

Кони встрепнулись, видно, такие слова понимали. Без понуканий вбежали во двор, послушно стали у коновязи. Мальчишка принял поводья, а Олег с Корой поднялись в харчевню.

В помещении пили и ели, словно никто и не уходил. Ему показалось даже, что мелькают одни и те же лица. К счастью, на этот раз к ним никто не цеплялся, не задибался, даже странно было ужинать в мире, не драться, не бить кого-то по голове.

Комнату им отвели сравнительно чистую, светлую, хотя и очень тесную. Олег швырнул мешок на пол, сел и начал стягивать сапоги. Кора опустилась на ложе, ее большие глаза не отрывались от могучего варвара, а тонкие пальцы медленно расстегивали пряжки на платье.

– Спи, – сказал он. – На рассвете должны быть в Вечном.

– А ты?

– Я лягу на полу, – объяснил он.

Ее глаза стали еще больше.

– Что случилось? Ты думаешь, вдвоем не поместимся? Я занимаю совсем мало места.

– Да нет, – ответил он с неловкостью, – ты будешь храпеть, стягивать одеяло, брыкаться во сне. А я варвар, понимаешь? Зашибу спросонья.

Она внезапно улыбнулась как ясное солнышко:

– У нас говорят: если бьет, то любит... Я не знаю, не проверяла. Как ты думаешь, это правда?

Он ответил затравленно:

– Я волхв-травник, не толкователь снов. Ты засыпай скорее. Встанем на рассвете!

Она нырнула под одеяло, смотрела озадаченно. Глаза стали круглыми, как у молодого совенка, удивленными. Пухлые губы приоткрылись в ожидании. Олег расстроено ходил взад-вперед, запускал обе пятерни в волосы. Зеленые глаза в свете факела блестят сухо, словно редкие в ее краях драгоценные камни.

– Ты не ложишься, – напомнила она тихо.

– Спи, – сказал он настойчиво.

Стараясь не смотреть в ее сторону, Олег с каменным лицом вышел и плотно прикрыл дверь. Лесенка вела на крышу, он вдохнул всей грудью еще теплый, но уже чистый, без пыли воздух.

Небо было звездное, из-за темного виднокрая медленно выплывает луна. Маленькая и блестящая, как щит телохранителя кагана, она блистает холодно и надменно. Ее призрачный свет подсвечивает снизу облака, но здесь, на крыше, темно, как в пещере.

Олег прислушался, опустил на корточки. Редкие гуляки не в счет, в такую темень держат пальцы на рукоятках ножей и всматриваются в тени вокруг, а на небо никто не смотрит. А кто и смотрит, тех можно не принимать в расчет. Тех не слушают ни в одном племени.

Знакомая дрожь пробежала по телу. Мышцы свело судорогой, ощутил головокружение. Стиснул зубы, приготовившись к боли, но на этот раз лишь потемнело в глазах. В следующее мгновение нахлынула волна чужих запахов, чувств, звуков. Постепенно распространил власть на преображенное тело, с силой оттолкнулся от крыши.

Никто не заметил, как огромная черная тень пронеслась над городом и ушла в сторону Вечного Города.

...Эта ночь для него была странная и удивительная. Едва ли не впервые не чувствовал страха высоты. Более того, беспричинный восторг обуял, наполнил мышцы силой. Теплый воздух стремился держать, вздывать выше, не давал упасть. Приходилось стараться, чтобы суметь опуститься к самым крышам, лететь так, что едва не задевал орущих котов и прочую мелкую нечисть древнего города.

О мудреце не вызнал, да и не надеялся, но рассмотрел Город с высоты, понял о нем многое, как многое понял и о себе.

Когда возвращался, все тело сладко ныло от усталости. Никогда так долго не держался в воздухе. Но голова ясная, мысли носились как тараканы на горячей сковородке. Хотя измученное тело просило отдыха, не ринулся сразу на знакомую крышу, а бесшумно сделал круг на высоте, стараясь не пересечь лунный свет.

Ясность мыслей и осторожность, которую глупый дударь зовет трусостью, помогли заметить тень от трубы на крыше, которой раньше не было. Вернее, тень была, но она удлинилась беспричинно, еще и показывала выступ, которого у самой трубы нет.

Он взмыл выше, кровь хлынула в мышцы сильнее. Сложив крылья, камнем рухнул вниз.

Человек вскрикнул как заяц. Страшные когти распороли спину и шею. Олег на всякий случай ударил клювом, закрыл глаза и расслабил мышцы. Снова боль, судорога, потеря памяти... Но очнулся сразу, под ним был залитый кровью человек. А его пальцы впивались в залитую кровью спину. На голове тоже кровь и след, будто ударили кинжалом. Или клювом с кинжал размером.

Он соспустил, перевернул чужака. Тот все еще сжимал длинный узкий нож. Олег наступил на кисть, выдернул из вялых пальцев. Человек смотрел в ужасе на обнаженного незнакомца, что высился над ним на фоне острых звезд.

– Кто... ты?

– Здесь спрашиваю я, – сказал Олег, голос еще был хриплый, с птичьим клекотом. – Кто тебя послал?

Человек смотрел расширенными глазами.

– Колдун... Я не знал...

– Кто послал? – потребовал Олег строже.

– Я сам...

– Врешь.

– У приезжих бывают деньги... Пока не успели все истратить... Надо пошарить...

Олег внимательно рассматривал распростертого человека. Тот слишком хорошо сложен, такие мышцы не нарастают сами. Вон та появляется от усиленных занятий с мечом, та от натягивания тетивы, а эту развивают долгие часы бросания дротика. Ежедневно и год за годом. Такой не пойдет в простые грабители.

Человек лежал распластанный на спине, истекая кровью. Испуганный и потрясенный. Но взметнулся так стремительно, что, не ожидай Олег именно такого броска...

Он перехватил кисть с узким ножом, повернулся и резко наклонился, словно решил хоть запоздало поклониться киммерийскому кагану. Звонко хрустнули кости. Человек упал на колени, закашлялся. На ровную глиняную крышу с кровью вылетели выбитые зубы.

– Если есть еще ножи, – сказал Олег приглашающе, – можешь еще... У тебя вторая рука цела, да и зубы не все еще на крыше.

Человек поднял голову. В глазах ненависть, но теперь и страх. Варвар не выглядел неуклюжим медведем, как ему обещали.

– Тебе не уйти...

– Это я уже слышал, – сказал Олег. – Ничего нового не скажешь?

Он ухватил врага за волосы, оттянув голову назад, другой рукой поднял нож. Рассвет уже отогнал тьму на востоке, лицо показалось Олегу знакомым. Если бы не разбитые губы да не смертельная усталость...

Тот прохрипел:

– Меня ты сумел взять за горло... Но сумеешь ли так же взять... злого колдуна, что сегодня вломился в башню... которую ищете?

– Какую мы ищем?

– Башню... Аристея...

Сердце Олег ухнуло в пропасть. Еще и колдун... Он в птицу научился оборачиваться без магии, так Мрак оборачивался волком, но это все. А с колдуном так просто не справишься. Но воспользоваться магией – вызвать на себя удар бога!

– Я попробую, – сказал он с усилием. – Я попробую...

Лезвие коснулось горла. Глаза разбойника полезли на лоб.

– Ты... ты зарежешь меня... безоружного?

– А кто просил тебя бросать оружие?

Он полоснул по горлу, оттолкнул, избегая тугой струи крови. Тело задержалось, дважды подпрыгнуло и затихло. Олег забыл о нем раньше, чем обошел крышу, отыскивая свою одежду.

Ее не было.

Когда он осторожно влез в окно, Кора спала. Тихонько закрыл ставни, повернулся, стараясь ступать на цыпочках, вздрогнул.

Кора уже сидела на ложе, бледная и с распухшими губами. Глаза ее даже в полумраке стали зелеными и светились, как у хищного зверя.

– Где ты был?

– Спи-спи, – сказал Олег раздраженно. – Это я тебе снюсь.

Она встала на ложе, руки уперла в бока. Глаза ее сверлили варвара с головы до ног, задерживая иногда взгляд. Распухшие, словно от долгого плача, губы начали сжиматься в тонкую линию, словно капкан на зверя.

– Без штанов?

– А что?.. Есть у меня один друг, ему всегда девки снятся голыми...

Одежду отыскал в сундуке, торопливо оделся. Кора соскочила, он чувствовал ее близкое присутствие за спиной. От нее пахло расстеленной постелью, теплым молоком и свежим сеном.

– Я понимаю, – сказала она глухо, – ты варвар, у тебя дикая кровь... Но все-таки бегать голым по улицам... Хотя ты сложен как бог, но в таком виде испугаешь даже женщин. Если, конечно, выскочишь внезапно. Ты был, как я понимаю, в том доме с крышей из красной черепицы?.. Там смазливая девка, но она крашеная, ноги у нее волосатые...

– Как ты все замечаешь, – сказал он с досадой. Мысли крутились вокруг могучего колдуна, который отыскал жилище Аристея. И вломился? Жив ли еще мудрец? Или убит, как был убит единственный, кому он доверял свое местожительство?

– Да, замечаю!

– Что-нибудь перекусить есть?

– Ах, тебя даже не покормили?.. И ты бегал к такой? Конечно, теперь ты готов коня съесть!

– Я съем тебя, – пообещал он, – если сейчас же не покормишь.

Ее глаза блистали бешенством. Она поела его глазами, сдирала кожу, рвала мясо и ломала кости. Потом во взгляде что-то неуловимо изменилось. Похоже, поверила, ведь варвары в самом деле едят печень своих врагов. Тем более могут съесть молодую и сочную девушку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.